

ДАНИЯР СЕГИЗБАЕВ

18+

55

Данияр Сегизбаев

55 невидуманных историй

#запискиалмаатинца

#запискиалмаатинца

Данияр Сегизбаев
55 невыдуманых историй.
#запискиалмаатинца

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63618768
ISBN 9785005300546*

Аннотация

Это дебютная книга автора, написанная в разговорном жанре, искренне и с юмором. Книга состоит из нескольких глав: забавные и романтические приключения юности, невероятные курьезы из врачебной жизни, смешные случаи во время путешествий... Эти увлекательные истории – веселые и ироничные, трогательные и сентиментальные, иногда немного грустные, но всегда правдивые – не оставят никого равнодушным. Вы окунетесь в атмосферу Алма-Аты 70-90-х годов, последуете за автором в разные страны и города...

Содержание

55 невыдуманных историй	5
От автора	5
ЮНОСТЬ	9
ПЕРЕЛОМ	10
ПЕПЕЛЬНИЦА	19
ПОРТВЕЙН С МОЛОКОМ	27
КОМНАТА №13	31
СИНЬКА ИЛИ СВИДАНИЕ ВСЛЕПУЮ	37
ТУАЛЕТ	46
ЗАПИСКИ ВРАЧА	50
ДЕСАНТНИК	52
ВETERАН	62
ДЕНЬ КООПЕРАТОРА	67
СОБАКА ПАВЛОВА	80
КРАСАВИЦА И ЧУДОВИЩЕ	84
ДВА ИВАНА	89
ЦЕЛИНОГРАД	94
ВЫТРЕЗВИТЕЛЬ	97
ТРАКТОРИСТ	101
НОС	106
Конец ознакомительного фрагмента.	109

55 невыдуманых историй

#запискиалмаатинца

Данияр Сегизбаев

Посвящается моим родителям и сестре.

© Данияр Сегизбаев, 2020

ISBN 978-5-0053-0054-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

55 невыдуманных историй #запискиалмаатинца

От автора

Уважаемый читатель, перед Вами 55 невыдуманных историй из моей жизни или записок алмаатинца, приуроченных к моему 55-летию юбилею. На самом деле, их гораздо больше, но для первой книги были выбраны именно эти рассказы, плюс маленькие бонусы, которые я уже публиковал в социальных сетях, после чего по многочисленным просьбам моих друзей и подписчиков пришла идея издать эту книгу.

Время, описанное в рассказах – современное, хотя и затрагивает любимый мною советский период нашей жизни. О чем эта книга? О родителях и друзьях, о моем студенчестве и работе врачом-хирургом, о многочисленных путешествиях по миру, и даже о насекомых. События, описанные в книге правдивы, однако имена некоторых героев я поменял из уважения к их личной жизни, а некоторых уже нет с нами. Думаю, что у многих из вас в жизни бывали подобные истории, тем не менее, я написал эти рассказы, потому что, к сожалению, время беспощадно и неумолимо, и мы многое

забываем, также как и свою историю.

Красной нитью во многих рассказах проходит история моего любимого города Алма-Аты. Все названия улиц и районов будут указаны именно те, которые были в момент действия, описанного в рассказе. Рассказы почти не «прилизаны», и некоторые истории вас смутят и удивят, но в этом и смысл моего повествования, каким бы неожиданным он ни был. Очень важно, что я попытался в своих рассказах уйти от всего неприятного и грязного, что окружает нас в повседневной жизни и льётся с экранов телевизора и интернет-сайтов.

Я бы назвал свои рассказы юмористическими, но иногда с небольшим философским смыслом.

Удалось мне или нет – судить вам.

Все рассказы объединены в своеобразные блоки и расставлены строго в хронологическом порядке:

– Юность – истории отрочества и юности

– Записки врача – невероятные истории из моей хирургической практики в больницах Алма-Аты и Целинограда

– Свадебные истории – приключения на свадьбах

– Путевые заметки – потешные и занимательные истории со всех уголков нашей необъятной планеты с информационными пояснениями

– Адский поезд – приключения в поездах

– Букашки – страшные, леденящие душу истории и удивительные факты о насекомых

– Невыдуманные истории – истории, произошедшие со мной и моими друзьями в разное время и разных местах

Каждая история – это цельный рассказ, поэтому читать можно с любого места и в любой последовательности. Желаю вам приятного прочтения!

ЮНОСТЬ

Всё чаще, вспоминая ту или иную историю, я все больше и больше думаю о своих незабвенных родителях, они всегда были рядом со мною, даже в самых моих дальних странствиях и путешествиях.

Они и сейчас рядом со мной, мои дорогие папа и мама...

ПЕРЕЛОМ

Мало кто помнит, что показывали по телевизору много лет назад на «Голубом огоньке» 1 мая 1978 года. Многие даже не знают, что такое «Голубой огонек», и почему он был именно 1 мая. Для моих молодых читателей подскажу, что «Голубой огонек» – это праздничная музыкальная программа, которая проходила трижды в году на Центральном телевидении на самые значимые советские праздники: Новый год, 8 марта и 1 мая.

Тем не менее, я точно знаю, что в 1978 году на первом-майском «Голубом огоньке» с премьерой песни «Родина моя» выступала София Ротару. Может, кто-то из вас вспомнит строчки из той известной песни:

*Я, ты, он, она,
Вместе – целая страна.
Вместе – дружная семья...*

Патриотичная и бесхитростная песня стала в одночасье популярной, и ее постоянно крутили по радио и телевидению. Что касается меня, то у меня с этой песней связано одно из самых неприятных воспоминаний моей подростковой жизни...

1 мая 1978 года был праздник и выходной день.

Мой папа, известный профессор-травматолог, получил очередное приглашение на бешбармак, и вместе с его коллегами врачами и их семьями мы выехали в Илийский район Алма-атинской области. Встречал нас папин друг, главный врач Илийской больницы, у дома которого все оставили свои «Жигули» и «Волги», а дальше по проселочным дорогам на «узиках» выдвинулись на джайляу в гости к чабанам.

Все было организовано по-казахски круто: для почетных гостей тут же зарезали барана, мужчины сели степенно выпивать водку с закусками, традиционно полулежа на красивых одеялах и подушках, а женщины внутри юрты накрывали столы, заваривали чай и готовили баурсаки и лепешки.

В это время Казахская степь удивительно прекрасна, земля покрыта ярко-зеленым ковром сочной травы и сплошными маковыми полями до горизонта, куда хватит взгляда. Тут и там стояли белые юрты, дымили костры и самовары, и над всем этим простиралось бескрайнее ярко синее небо. Многочисленные отары овец мирно толпились в загонах, огромные пастушьи собаки лениво валялись в тени повозок, терпеливо ожидая своей доли остатков мяса, а вдоль оград было привязано около десятка разномастных лошадей. После того как первые стопки водки были выпиты, разгоряченные мужчины, как обычно, поспорили, кто лучше управляется с лошадьми. Мой папа был очень азартный и тут же заключил пари с одним табунщиком на скачки.

К нескрываемому ужасу моей мамы, они тут же оседлали

лошадей и по взмаху руки под свист и улюлюканье гостей умчались галопом в степь. Через минуту они уже исчезли в степной пыли, и мы с мамой, страшно переживая за папу, взбежали на ближайший холм, безуспешно ища его взглядом. К счастью, все закончилось благополучно, спустя некоторое время мужчины прискакали «ноздря в ноздю», и я помню, как папа, смеясь, произнес тост о том, что, будучи профессором, он чуть не обогнал профессионального табунщика.

Я был восхищен поступком папы и с разрешения чабана тоже неспешно покатался на маленькой куцей лошаденке вокруг юрт. Мне показалось, что езда на лошади не такая уж и сложная и опасная, и захотелось прокатиться на более крутой и быстрой лошади. Стоило мне подумать об этом, как волей судьбы мои мысли практически сразу материализовались. Надо сказать, что кроме меня на стойбище были еще другие дети, и среди них красивая девочка лет 13—14 по имени Лейла, которая очень понравилась мне. Я всегда был очень влюбчивым, ну а здесь, среди красных маков и синего неба, конечно, сразу потерял голову. Пока я думал, как лучше с ней познакомиться, она сама подошла ко мне и спросила:

– А ты хорошо едешь на коне?

Я кивнул головой и тут же не преминул сообщить ей, что являюсь «чемпионом города по конному спорту». Вежливо улыбнувшись, Лейла попросила покатать её на лошади.

Я оглянулся, все взрослые были заняты или переместились внутрь юрты на бешбармак. Не раздумывая, я подвел Лейлу к самому красивому жеребцу и помог ей сесть в седло. Затем также взобрался на лошадь, сев позади Лейлы, и тронул поводья. Лошадь не спеша тронулась вперед, восхищенная Лейла рассмеялась таким счастливым смехом, что я сам начал смеяться и вконец возгордился своим поступком. Я был счастлив и взволнован, мы были рядом, её волосы развевались на ветру и щекотали мне лицо.

Неожиданно Лейла попросила меня поехать быстрее. Я начал аккуратно подгонять жеребца пятками, и он перешел на небольшую рысь. Начало трясти, и адреналин в крови пополз вверх. Мы кричали, смеялись и были на седьмом небе от счастья, когда вдруг, войдя в раж, Лейла попросила меня «добавить» еще скорости. Как вы понимаете, это был мой первый опыт управления конем, но недолго думая, вспомнив своего крутого папу, я с размаху стегнул лошадь камчой.

Обалдевшая лошадь встала на дыбы, вырвав поводья из моих рук, и тут же понесла нас диким галопом. Мы страшно испугались, изо всех сил стараясь удержаться в седле безумно скачущей лошади. Умирая от страха, я пытался одной рукой удержать уже кренившуюся вбок Лейлу, а другой судорожно поймать улетевшие от меня поводья. Все произошло мгновенно – на очередном прыжке Лейла с криком улетела в одну сторону, я же камнем рухнул в противоположную...

Когда в кино показывают жесткие падения, то резко водят камерой в разные стороны, и это на самом деле очень близко к правде. За секунду я увидел полукруглый горизонт, алые маки, степь без края, синее небо и стремительно приближающуюся землю. Потом я почувствовал сильнейший удар, несколько чудовищных кувырков и услышал удаляющийся стук копыт ускакавшей лошади. Я встал, меня сильно мутило, было очень нехорошо. Когда я посмотрел на свою правую руку, то чуть не упал в обморок. Обе кости предплечья, локтевая и лучевая, были сломаны, а кисть висела на коже плетью и была неестественно вывернута в другую сторону.

Вдруг резко и неожиданно пришла ужасная боль и осознание случившегося. От юрты к нам бежали люди. Я был в глубоком шоке, и все происходящее видел как будто со стороны, и происходило всё это не со мной. Оказывается, один из помощников чабана, увидев мое падение, зашел в юрту и деликатно намекнул гостям, что чей-то ребенок упал с лошади, не сказав, кто конкретно. Про Лейлу я даже не вспомнил, про неё вообще в суматохе все забыли. Подбежавшие гости с ужасом смотрели на мою болтающуюся руку и не знали, что предпринять и с чего начать помощь.

Бедная моя мама, я представляю, как ей было плохо. Что касается папы, он был страшно зол на меня, потому что понимал серьезность травмы как никто другой. Поскольку я непрерывно кричал, он первым делом закатил мне пощёчину, чтобы я замолк, а потом начал осматривать мою руку.

Мой папа – лучший травматолог республики, поэтому несколько раз пощупав мою искалеченную руку, он двумя резкими движениями сопоставил отломки, тут же приложил картонку с дощечками и туго забинтовал руку. Мой крик боли прервался потерей сознания, я выключился на руках у мужчин, державших меня за руки и за ноги. Рядом в траву упал в обморок один из гостей, а дальше удерживаемая испуганными женщинами рвалась ко мне моя обезумевшая мамочка...

Когда суматоха улеглась, меня положили в юрту и... застолье продолжилось. Я тихо плакал от боли, кроме сломанной руки у меня было расцарапано все тело и половина лица. Все саднило и болело, я безумно хотел домой, но не посмел послушаться папу. Через некоторое время родители Лейлы хватились её, никто не знал, что она была со мной на лошади. И тут я сказал им, что мы катались вместе, и она тоже упала недалеко от меня. Все тут же побежали на ее поиски и нашли несчастную девочку, лежащую в степи с сильнейшим сотрясением мозга.

После этого, конечно же, все бросились по машинам и поехали в ближайшую больницу в Илийский зерносовхоз. Не знаю, как перенесла эти 20—30 км бездорожья Лейла, я же изо всех сил сжимал зубами платок, чтобы не орать от безумной боли в руке, стараясь удержать её «на весу» в постоянно подпрыгивающем и скрипящем совхозном «уазике».

В поселок приехали под вечер, Лейлу увезли в Алма-Ату в отделение нейрохирургии, а мне наложили гипс и уложили на диван перед телевизором. Поскольку все были выпившие, решили заночевать у папиного друга, и гости опять сели за стол, бурно обсуждая произошедшее и восхищаясь папиным мастерством хирурга. Я, измотанный дорогой, процедурами и уколами и совершенно обессиленный, сквозь слезы смотрел «Голубой огонек». В больнице мне вкололи анальгин с димедролом, и боль чуть-чуть отступила. Мама присела рядом со мной, она очень переживала за меня, слезы беспрерывно лились из её глаз. Я, стараясь подбодрить маму, сказал ей: «Сейчас будет петь София Ротару, новая песня, тебе понравится...»

Запела Ротару, вместе с ней пел детский хор, на экране все были счастливы и веселы, прыгали и хлопали в ладоши. От отчаяния и жалости к себе, убаюканный мамой, я наконец уснул. Во сне я скакал на лошади по красивой степи и раз за разом падал лицом в степные маки, падения повторялись вновь и вновь, а саундтреком назойливо шли строчки из песни Ротару:

Я прильну, земля, к твоим берёзам,

Я взгляну в глаза весёлым грозам.

И, смеясь от счастья, упаду в твои цветы...

(теперь я понимаю, что эту строку Роберт Рождествен-

ский написал специально для меня)

Наконец, мы вернулись в Алма-Ату, рука болела и сильно отекала. Папа осмотрел ее и взял меня к себе в больницу. В отделении 12-ой городской больницы мне срочно сделали рентгеновский снимок, который оказался неутешительным. К сожалению, дорога по ухабам в разбитом «уазике» не прошла даром, фрагменты костей сместились, и началось воспаление. Расстроенный папа велел готовить меня к анестезии и пошел «мыться» на операцию. В этот раз все прошло хорошо. В операционной мне сняли гипс и под анестезией произвели репозицию отломков, надежно зафиксировали кости и загипсовали до самой шеи на два долгих месяца...

Благодаря профессионализму моего папы, сложный двойной перелом со смещением в итоге зажил бесследно и без всяких последствий. Но психологически мне пришлось пострадать еще не раз. История с Лейлой и той злополучной скачкой в степи аукнулась мне позже, когда в июне мы с папой полетели отдохнуть в давно запланированную поездку на Черное море, в Ялту. Проклиная лошадь и свою влюбчивость, я заходил по пояс в манящую морскую воду, держа поломанную руку, замотанную в целлофан над собой, и аккуратно выходил обратно, страшно завидуя мальчишкам, беспрерывно ныряющим с пирса в набегающие волны.

В тот год я так и не искупался в море, мрачно сидя на берегу с книжкой в руке, я грустно смотрел на такое близкое,

но запретное море, вспоминал степь и раз за разом слушал из окружающих со всех сторон динамиков издевательские строчки из той популярной песенки:

Над тобою солнце светит,

Льется с высоты.

Все на свете, все на свете

Сможем я и ты...

Как вы понимаете, в тот год я смог не всё...

И да, у Лейлы все сложилось хорошо, но встречаться с ней вновь я больше не захотел, она, скорее всего, тоже.

ПЕПЕЛЬНИЦА

Особо чувствительным читателям и сотрудникам «Greenpeace» советую воздержаться от чтения.

Когда нам со старшей сестрой было по 11 и 12 лет, мы поехали с семьей на одно из овечьих пастбищ на джайляу. Один из папиных пациентов оказался чабаном и, в знак благодарности за успешно проведенную операцию, пригласил нас к себе в гости на стойбище, пообещав подарить папе огромного барана. Поехали вчетвером: родители и мы с сестрой. Дорога была неблизкой и разбитой, и понятно, поскольку джипов тогда не было, мы долго и нудно «пилили» туда на папиной «тройке». Когда мы приехали, то взрослые сразу сели за бешбармак, помощники чабана начали резать и разделять нашего барана, а мы с сестрой пошли гулять по степи.

Особенностью того места было бесчисленное количество степных черепах, их было так много, что мы с сестрой за час натаскали в сарай больше ста пресмыкающихся. Когда родители засобирались домой, мы с сестрой подвели их к сараю и с глазами кота из м/ф «Шрек» стали уговаривать забрать несколько черепах домой в Алма-Ату. План был простой, каждому из друзей мы планировали привезти по одной черепахе в подарок, а поскольку друзей было много, то счет шел на десятки отловленных особей.

Понятно, что вывоз столь внушительной популяции черепах родители пресекли на корню, мама с ужасом смотрела на шевелящийся ковер из ползающих черепах, а папа уже доверху забил багажник освежеванной бараниной. В итоге сошлись на двух черепахах, по одной сестре и мне. Мы долго выбирали из огромной кучи почти одинаковых на вид черепах, и наконец выбор пал на большую черепаху для сестры и маленькую шуструю черепашку для меня, с которой я запланировал всевозможные соревнования в будущем.

Пока ехали домой, мы придумали им соответствующие имена: Битюг и Тишка. Дома их отмыли от степной грязи, и выяснилось, что Битюг оказался слепой на оба глаза, видимо, от старости. По странному стечению обстоятельств, он на свою беду выполз из норы именно в тот день, когда в пустынную степь добрались пытливые пионеры из далекого города. Без своей любимой пыльной степи, горьких колючек и бараньих катышков, в коробке от ботинок «Цебо», доверху заполненной сочным клевером, и с чистойшей Алма-атинской водой, он умер на второй день от стресса и печали...

Тишка прожил еще меньше, будучи очень беспокойным, он особо не грустил и все время пытался свалить из нашего дома в свою родную степь, подальше от моей опеки и юннатской любви. В один из очередных побегов из своего плена, он каким-то образом перелез через декоративное отверстие балкона и сорвался с третьего этажа прямо на асфальтовую мостовую. Панцирь Тишки разлетелся на две части,

не оставив ему никаких шансов на спасение. Надеюсь, он не мучился и даже не успел удивиться, когда перед смертью развил свою самую большую скорость в жизни. В знак уважения к его самоотверженности и волю к свободе, я закопал его в саду и даже соорудил красивую оградку из камешков. . .

Дело было летом, на дворе стояли любимые летние каникулы, телек днем почти не работал, многие друзья были в лагерях и у бабушек, и нам с сестрой нужно было чем-то занять себя, пока родители были на работе. На балконе лежал красивый, но неживой и слепой бедолага Битюг. Несмотря на трагизм ситуации, его панцирь был прекрасен, местами почти полированный с красивым шахматным узором.

Было жалко хоронить такую красоту, и тут я вспомнил, что в некоторых странах из черепах делают оригинальные пепельницы. Наш папа очень много курил, поэтому решение приготовить ему такой сюрприз вызвало неопиcуемый восторг у нас обоих, и мы стремглав бросились на кухню варить черепаху. Тогда не было интернета и, конечно же, никаких пособий о том, как можно извлечь черепаху из её панциря.

К моему ужасу, сегодня на «YouTube» и в «Google» я нашёл массу лайфхаков, как сделать пепельницу из черепахи, тогда же я просто вспомнил, что туземцы варили черепах на костре, и тело чуть ли не само выскальзывало из костной оболочки. Нравственный аспект приготовления пепельницы нас совсем не смутил, Битюг прожил долгую и, наверное, красивую жизнь, и воспользоваться его панцирем для

благого дела было вполне логичным решением.

Сестра извлекла с антресолей лучшую мамину эмалированную кастрюлю для приготовления бешбармака, мы налили в нее воды и пустили в последнее плавание несчастного Битюга...

Мы начали процесс варки часов в 11 утра и варили почти 5 часов, но гордый Битюг никак не хотел расставаться со своим домом. К обеду весь дом провонял так, как будто в квартире сдох кит, такой невыносимой вони мы не чувствовали никогда в жизни. Мы закутались в шарфы и платки, брызгали в комнатах духами, но нас просто выворачивало наизнанку от невыносимого зловония и смрада. Было жарко, мы открыли все окна. Соседи, сходявшие с ума от запаха и вони, заволновались и начали тарабанить в двери и грозить милицией. Мы не знали, что делать, и я, пытаясь ускорить процесс, непрерывно тыкал Битюга вилкой, но он оставался таким же жестким и неприступным.

Первой сдалась сестра и предложила прекратить эксперимент, выбросив Битюга на помойку. Мне же казалось, что после стольких часов мучений и борьбы в ужасном смраде, сдаваться было нельзя, и я решил попробовать вытащить его из панциря плоскогубцами.

Задыхаясь от зловония и пара, мы подцепили несчастное животное половником, и я, схватив его за переднюю часть, начал тянуть, пока сестра изо всех сил держала его за панцирь в брезентовых рукавицах. Сделав отчаянный рывок,

я оторвал достаточный кусок разваренной плоти и вместе с ним обессиленный упал на пол. Сестра на вытянутых руках держала трехногую обезглавленную черепаху и плакала, кастрюля чадила и воняла, вся кухня была в пару, а с потолка падали мутные капли. Сдерживая подступившую тошноту, я выскочил на балкон и тут увидел возвращающуюся с работы маму...

Это был конец.

Планируя сюрприз с пепельницей, мы рассчитывали успеть закончить все до прихода родителей. Помыть все и ждать с красивой пепельницей на столе. Ужас содеянного вначале парализовал нас, потому что маминой расправы мы боялись больше всего на свете, но инстинкт самосохранения придал нам скорости. Я смыл оторванный фрагмент черепахи в унитаз, а кастрюлю с остатками Битюга мы просто вылили вместе с варевом в кухонное окно...

Даже сейчас, по прошествии многих лет, я с ужасом вспоминаю события того страшного дня. Толпа обезумевших соседей обступила маму уже на подходе к подъезду, все кричали и возмущались, как только могли. Больше всех пострадала соседка снизу: останки Битюга упали прямо на газовую трубу, проходящую прямо под окнами их кухни. Меня, конечно же, заставили снять черепаху с трубы. Рискуя жизнью, я по склизкой трубе залез на второй этаж и палкой скинул изуродованное тело животного на землю.

Конечно, хоронить я его не стал, бережно завернутый

в «Вечернюю Алма-Ату», Битюг, наконец, закончил свой бранный путь на ближайшей помойке. Дома меня ждал кошмар: кастрюля из белой эмалированной красавицы превратилась в черный адский котел со струпьями и вместе с вилками и половником были отправлена на помойку вслед за Битюгом.

Мой папа никогда не бил девочек, но на мне он оторвался с лихвой, в тот день получил я крепко, несмотря на то что подарок готовился как раз специально для папы. Несколько дней мы кушали исключительно в зале из-за ужасного запаха на кухне, но, к сожалению, на этом мои злоключения не закончились...

На следующий день у нас «намертво» забился унитаз, и мама вызвала сантехника из домоуправления. Я прекрасно догадывался, что случилось с унитазом, но боялся признаться, поэтому вежливо встретил его и молча проводил в туалет. Сантехник долго ковырялся в недрах наших труб, засовывал туда троса и всякие приспособления, что-то бормотал и кричал, как вдруг я услышал его сдавленный крик...

Когда я вбежал в туалет, я увидел как он достает «нечто» из глубин унитаза, а в центре всего торчала жуткая морщинистая лапа с острыми когтями. Видели бы вы глаза этого сантехника!

Я начал было винить соседей, пытаюсь отвести беду от нашей семьи, но, тем не менее, пришлось нам с сестрой раскошелиться на пять рублей, истратив разом все наши сбереже-

ния на лето.

Удивительно, что через 40 лет на островах Key West в США, я впервые заказал себе «Тортю» – тарелку черепа-шьего супа за пять долларов и тут же вспомнил свои пять рублей и папину несостоявшуюся пепельницу. Я рассказал супруге эту драматическую историю, вспомнил Битюга и... с удовольствием съел супчик, кстати, оказавшийся очень вкусным...

Поскольку эта история достаточно грустная, то я позво-лю себе немного пофантазировать, на тему слепоты Битюга и закончить свой рассказ на мажорной ноте...

Многие, возможно, не знают, что кроме Белки и Стрел-ки и пары обезьян, в космос летали две казахские черепа-хи. В 1968 году на борту советского беспилотного косми-ческого аппарата «Зонд-5», облетевшего вокруг Луны, находи-лись две среднеазиатские черепахи, которые вернулись жи-выми и похудевшими на 10%. Правда, одна из черепах ли-шилась зрения из-за перегрузок при входе в атмосферу. Эти черепахи стали первыми живыми существами, долетевшими до Луны. Позже они были выпущены на волю, и кто знает, может быть, наш слепой Битюг был той самой легендарной космической черепахой?

Почему нет?..

Живут они долго, от Байконура до нас не так уж и далеко, мог и доползти за 3—4 года, вот только здесь ему не совсем повезло...

Так что неисповедимы пути черепахи!

ПОРТВЕЙН С МОЛОКОМ

В 1982 году, будучи абитуриентами мединститута, мы приехали на сельхозработы в совхоз имени «XXIV партсъезда» под Алма-Атой, в районе ВИРГа¹.

В отличие от других студентов мы с моими новыми друзьями не собирали помидоры, а поставляли работающим в поле сокурсникам отремонтированные деревянные ящики или так называемую тару. Наша комната №13 в полном составе входила в бригаду ремонтников, и мы работали отдельно в большом сарае, ремонтируя ящики практически бесконтрольно со стороны руководства. Это было очень удобно, бригадиром у нас был Вовка Колесников, наш же товарищ из комнаты, поэтому мы, особенно не утруждая себя, потихоньку стучали молотками и вечером отчитывались на «линейке» о 100% выполненном плане.

Проработав так неделю в нашем «курортном» сарае, мы расслабились и решили чего-нибудь выпить. Насобирав по карманам сообща десять рублей, мы отправили двух гонцов в совхозный магазин за выпивкой.

Со всеми возможными предосторожностями наши посыльные, скрываясь в высокой траве, «огородами» добрались до магазина и приобрели там три больших бутылки крепленого портвейна «Талас», или как называли его опыт-

¹ Всесоюзный институт разведывательной геофизики

ные студенты – «студенческий коньяк». Не мудрствуя лукаво, мы выпили их прямо из горлышка, и поскольку из закуски у нас были только помидоры, то нас сильно развезло и изрядно начало мутить. Особенно плохо было вчерашним школьникам, включая меня, мы с трудом ворочали языком, шатались, и, кроме того, от нас «за версту» пахло дешевой бормотухой. Все мы прекрасно понимали, что можем попасться и вылететь из лагеря, из комсомола и далее – из института, и срочно нуждались в улучшении состояния и в каком-нибудь нейтрализаторе запаха алкоголя...

Видя наше отчаянное положение, господь решил помочь нам: в какой-то момент в наш сарай забрела отбившаяся корова с огромным выменем, разбухшим от молока. Я уже не помню, когда и у кого первого возникло желание попить свежего молока, но идея показалась нам удачной, и мы дружно окружили корову. Загнав её в угол, мы одновременно накинулись на нее со всех сторон. Четверо из нас крепко зафиксировали коровьи ноги, двое заблокировали голову, держась за опасные рога, а один парень ухватился за хвост. Оказалось, что наш друг Вадик Тумасов умеет доить корову, поэтому ему и досталось почетное право дояра...

Мы поочередно ныряли под корову и, раскрыв рот, ловили теплые струйки парного молока, которые попадали и в глаза, и в уши, заодно дав возможность немного принять молочный душ. Надо сказать, что корова практически не вырывалась из наших рук и стояла достаточно смирно, видимо,

отягощенная излишками молока, и поэтому не испытывала никаких проблем. Когда мы вдоволь напились молока, корову с благодарностью проводили до дороги, и она облегченно потрусил в поле.

Нам сразу стало легче, и мы счастливые залегли в тенёк, задремав в окружении осеннего разнотравья и летающих вокруг маленьких гусениц на паутинках, неизменных символов лучшего в мире алма-атинского «бабьего лета»...

Помните, как у Ольги Берггольц:

*Есть время природы особого света,
Неяркого солнца, нежнейшего зноя.
Оно называется бабье лето,
и в прелести спорит с самою весною...*

Я лежал и думал, что уже окончил школу, а впереди начиналась «взрослая» жизнь.

Так же как и произошедшая история с портвейном и коровой, моя студенческая жизнь манила приключениями и новизной, немного пугала неопределенностью, но уже будоражила мое юношеское сознание. Для меня «бабье лето» – всегда часть осенней сказки, таинственное превращение природы из одного состояния в другое, когда ненадолго возвращалось моё любимое лето, и наступало долгое ожидание еще не скорой зимы. Также и мы, вчерашние школьники, в тот день покидали детство и переходили в студенчество, самую

яркую эпоху молодости, за которой необратимо маячила уже совсем взрослая и непростая жизнь...

Однако в жизни, как известно, за все надо платить!

К сожалению, это оказался наш последний беззаботный денек в совхозном сарае. Выяснилось, что кто-то из преподавателей увидел, как наши посыльные бежали через поле из магазина с бутылками в руках. Проведенное следствие установило наше безответственное поведение, но ввиду отсутствия прямых доказательств и благородного молчания коровы, нас не наказали, но, тем не менее, нашу бригаду безжалостно расформировали.

На следующий день нас раскидали по два человека в отряды сборщиков овощей, и нам пришлось выйти в поле, забыв о беззаботной жизни в сарае, но зато теперь мы работали в окружении девушек, а это уже отдельная история.

КОМНАТА №13

Жизнь в лагере абитуриентов шла своим чередом, днём мы усердно работали, вечерами проводили в столовой дискотеки, а после них устраивали тайные посиделки в нашей комнате №13. На такие вечеринки мы приглашали двух-трёх надежных девушек, вместе слушали музыку, пили портвейн и водку, немного покуривали, и это было чертовски восхитительно и романтично. Я уже был влюблен в одну из этих девушек, и жизнь мне казалось прекрасной как никогда.

Единственной проблемой был постоянное чувство голода, еда в столовой была довольно скудной и не отличалась разнообразием. Мы работали на свежем воздухе, молодые организмы постоянно требовали энергии и подпитки, и нам всегда хотелось чего-нибудь поесть. И вновь кто-то сверху услышал нас, потому что неожиданно для всех Витю и Андрея, проходивших практику на УПК² поварами, пригласили на несколько дней поработать в столовую, я уже не помню по какой причине.

Я напросился в помощники, и мы на три-четыре дня получили доступ к кухне.

Помню, как-то вечером Вовка Колесников, наш старший по комнате, не желая терять такую уникальную возможность

² Учебно-производственный комбинат

наестся до отвала, провозгласил:

– Господа, а не устроить ли нам небольшую пирушку?

В тот же вечер было решено каждому прихватить с полей необходимое количество овощей: картошку, помидоры, баклажаны и капусту. И если с гарниром проблем не было, то мясо взять было просто негде, да и денег особо не было, всё уходило на алкоголь и сигареты...

Как всегда, решение пришло от неугомонного Андрюхи Алешина:

– А что, если нам стащить гуся и потушить в духовке?

Предложение было встречено ликованием и принято практически без возражений... Надо сказать, что рядом с лагерем был овраг, по дну которого протекал ручей, место достаточно укромное, где мы иногда покуривали «трубку мира». Как раз в этом овраге обычно было очень много гусей, которые плавали в запруде и поздно вечером возвращались в совхоз. Тут же нашлись добровольцы – уже знакомая вам тройца: Вадик, Андрей и ваш покорный слуга...

Вечером следующего дня мы незаметно спустились в овраг. Гуси как раз вышли из реки, направляясь домой, когда путь им преградили три комсомольца-добровольца. Никто из нас до этого никогда не ловил гусей, поэтому мы даже не предполагали, какие это страшные птицы, особенно когда они охраняют свою территорию или спасают свою шкуру, а точнее сказать, свои перья!

Сразу стоит отметить, что гусь – очень сильная и бес-

страшная птица, наверное, самая агрессивная на птичьем дворе. Взрослый гусак запросто уничтожает более мелких птиц, которые посмели нарушить его пространство и совсем не боится человека. Поэтому, как только мы приблизились к стаду, самый большой и взрослый гусь сразу приготовился атаковать нас. Он раскрыл крылья, загоготал и вдруг, зашипев как змея, не раздумывая кинулся на нас. Приходилось ли вам слышать, как шипит гусь? Это весьма устрашающий звук, особенно если птица несётся на вас с разбегу, да еще бешено размахивает крыльями!

Мы быстро и с позором ретировались.

Идя на гуся, мы думали, что поймать его будет так же просто как курицу, и у нас даже не было с собой элементарного ножа и веревки. Через секунду мы уже сидели на краю оврага, а гусь, довольный собой, вернулся к стаду. Посмеявшись над собою, мы как волки решили выбрать жертву послабее и менее агрессивную. Стадо вытянулось гуськом по дну оврага, когда сверху сразу с двух сторон на последнего гуся коршунами накинудись Вадик и Андрюха. В это время я с палкой в руках должен был гнать остальное стадо прочь, чтобы они не вступились за своего товарища.

Слава всевышнему, что я не участвовал в пленении несчастной птицы, потому что голыми руками гуся взять очень и очень не просто. Я пропущу страшные детали смертельной битвы гуся за свою жизнь. Судя по крикам и звукам сражения, все проходило очень жестоко и драматично. Когда

я вернулся к парням, они порядком потрепанные схваткой, уже ощипывали птицу. Перьев и пуха оказалось так много, что когда мы закончили работу, гусь уменьшился в размерах ровно наполовину...

Надо было заметать следы, мы зарыли перья в песок и, завернув тело гуся в спортивную куртку Вадика, осторожно прокрались в сторону столовой.

Витька Ким открыл нам дверь с задней стороны, и мы, быстро отрубив птице лапы и голову, выбросили все в уличный туалет. Андрей надел халат и вместе с Витей начал готовить наш ужин. Со стороны все выглядело вполне официально, обычно вечером ребята готовили заготовки к следующему дню, поэтому их возня на кухне никого не удивила...

Ночью, когда прозвенел сигнал ко сну, наш гусь, запеченный в духовке со свежими овощами, был готов. Аромат был такой сильный, что мы переживали, что руководство лагеря, почувствовав запах, поймает нас с поличным, но в тот день всё для нас обошлось благополучно. В сумерках, передвигаясь на полусогнутых ногах, мы притащили гуся прямо на противне в комнату и приготовились к пиршеству.

Свет не включали, комната освещалась фонарями с улицы и свечами на полу. Из динамиков катушечного «Маяка» тихо играла популярная песня «Bandido» от La Bionda 1978 года:

Cha-cha-cha signior

Si por favor...³

³ исп. – Ча- ча- ча синьор. Да, пожалуйста

На импровизированном столе, собранном из сдвинутых тумбочек, освещаемым светом колеблющихся свечей, гордо возвышался ароматно пахнувший гусь, фаршированный картошкой и баклажанами, рядом в тарелках стояли салаты из свежей капусты и помидоров. Под наши восхищенные и приглушенные крики Вовка достал бутылку водки, и пир начался!

Как же мы были счастливы, несмотря на тревожное ожидание, что нас могут накрыть в любой момент, криминальную предысторию нашей «тайной вечера» – все это будоражило кровь и щекотало нервы. Даже спустя много лет, мне кажется, я никогда не ел ничего вкусней того ворованного гуся, приготовленного моими друзьями втайне и съеденного под покровом ночи...

Мои дорогие друзья, мои добрые товарищи, спасибо вам за моё веселое и счастливое студенческое братство! Уже нет с нами Володи Колесникова, Виктора Маслова, Андрея Алешина и Паши Комлева. А в памяти, как вчера, наша команда комнаты №13, все мы, молодые, красивые и безрассудные, и весь мир у наших ног, прямо как в той самой песне:

*Bandido*⁴

Are you tough enough to join his commando?

Would you sacrifice your sweet life tomorrow

Just to tangle with a man on the run?

⁴ исп. – Бандит

Достаточно ли ты крут, чтобы присоединиться к его команде?

Готов ли ты пожертвовать своей завтрашней сладкой жизнью

Ради того, чтобы связаться с человеком в бегах?

Всем моим студенческим друзьям, живым и ушедшим, посвящается!

СИНЬКА ИЛИ СВИДАНИЕ ВСЛЕПУЮ

В мае 1984 года я, будучи студентом второго курса медицинского института, стоял в ожидании встречи на верхней площадке гостиницы «Казахстан». Состояние мое было просто катастрофическое, у меня было назначено свидание с девушкой, которую я никогда не видел вживую, а только разговаривал с ней по телефону. Сейчас это называют свидание вслепую, а в то далекое время, когда даже домашние телефоны были редкостью, было очень непросто найти желанный телефон и познакомиться с понравившимся спутником или спутницей.

Ситуация была не равноценной, потому что один из знакомящихся обычно знал кому звонит, так как мог видеть тебя раньше, и обычно выступал с инициативой. Что касается второго человека, в данном случае меня, то были риски, что за приятным голосом может оказаться некто, не вполне соответствующий твоим ожиданиям и запросам.

В тот раз девушка увидела меня на первомайской демонстрации и через общих знакомых и друзей узнала мой домашний телефон. Когда она позвонила в первый раз, я, конечно, был польщен её интересом. Мне понравился её приятный голос, манера разговаривать и общаться, но я очень переживал, что она окажется не в моем вкусе. Тем не ме-

нее, после двух недель разговоров я решился пригласить её на свидание. Место было выбрано нейтральное, всем известное и вполне соответствовало для первого романтического свидания. У меня было целых восемь рублей, и, в принципе, я был готов пригласить свою спутницу в какое-нибудь кафе или даже в бар...

Но, прежде чем я расскажу о своем свидании с прекрасной незнакомкой, хотел бы поделиться ужасной предысторией, произошедшей со мной накануне.

Кто помнит те времена, знают, что только-только умер Юрий Владимирович Андропов, и страной правил престарелый и вялый Константин Черненко. Был тотальный дефицит всего, но, тем не менее, моему папе удалось купить во «Внешпосылторге» коричневые вельветовые джинсы «Golden Star».⁵ Молодое поколение не поймет моего неопишуемого восторга, но тогда джинсы были жутко дефицитные, и весь город, вернее счастливая его часть, ходила практически в одинаковых джинсах, которые очень редко, но периодически все же выбрасывали на прилавки.

На тот момент все в городе повально щеголяли в итальянских «Riorda» и непонятных «Texas», люди попроще носили индийские «Miltons», и, конечно, самые продвинутые барражировали в «Levi's», «Lee» или «Montana». Дело в том, что джинсы в СССР были не просто модными штанами, они обозначали ВСЁ.

⁵ англ. – «Золотая звезда»

То есть всё остальное у тебя как раз вполне могло быть совершенно заурядным, но, если у тебя были джинсы (только обязательно «фирменные»), то ты уже был на пике моды. И девочки засматривались на тебя больше, чем на твоих друзей. Да и сам себя ты чувствовал и красивее, и удачливее, и даже умнее других.

Поэтому, когда я пришел в институт в красивых вельветовых джинсах, галдевшая до того момента аудитория главного корпуса вмиг стихла, пораженная моим «великолепием». Джинсы действительно были прекрасны: коричнево-бежевого цвета микровельвет с шикарными броскими лейблами и изящными замочками на карманах. Наверное, для нынешних студентов это сопоставимо с приездом в университет на новом «Porsche», когда все ездят на заезженных «Toyota Camry»...

Одним словом, я купался в лучах славы, штаны дополняли новые кроссовки и взятые напрокат у друга солнечные очки – «капли». Видимо, выглядел я неплохо, раз сумел 1 мая на многотысячной демонстрации трудящихся привлечь внимание девушки с другого факультета и курсом ниже.

Была середина мая, мы готовились к сессии, я сдавал экзамены досрочно, так как планировал поехать в ССО⁶. У меня оставался только один экзамен по микробиологии, а поскольку учился я хорошо и уже успешно прошел два тура олимпиады, то должен был получить «отлично» автоматом,

⁶ Студенческий строительный отряд

подтвердив только лабораторные навыки по окраске микробных сред на предметных стеклышках. С почти полученной «пятеркой» в кармане, я

сидел на перилах возле лаборатории ЦНИЛа⁷, наслаждался теплым майским солнышком, предвкушая успешное окончание II курса и гуляние по городу в новых шикарных штанах и кроссовках.

В какой-то момент, когда я в своих фантазиях практически покорил весь город, меня вдруг окликнули проходившие мимо знакомые пацаны с лечебного факультета и пригласили пойти с ними выпить пива в «Моргушу».

Про «Моргушу» нужно рассказать отдельно, так как это была знаменитейшая пивнушка на углу улиц Космонавтов и Октябрьской. Там же находился городской морг, давший одноименное название незатейливой пивнушке. Поскольку два прилегающих блока занимали Больница скорой медицинской помощи и ЖД поликлиника, а выше был медицинский институт, то контингент здесь всегда был близкий к медицине: студенты всех четырех факультетов, врачи-интерны и ординаторы, а иногда даже доценты и заведующие отделениями навевались туда.

Незатейливые железные столики, стоявшие прямо на улице, традиционно были условно закреплены за лечебным и стоматологическим факультетами. Здесь было умеренно грязненько, но всегда весело и шумно, а ещё в благодарность

⁷ Центральная научно-исследовательская лаборатория

за кружку пива нам читала стихи Цветаевой и Пастернака знаменитая баба Нина, бывшая известная ученая-филолог из блокадного Ленинграда...

У меня был час до олимпиады, и я решил, что полкружки мне не помешает, и с готовностью присоединился к ребятам. Мы заказали пиво и, как это обычно бывает, попали в интереснейшую компанию «старшаков» – студентов 4—5 курсов АГМИ, звезд и легенд того времени, фантастический замес мифических историй и легенд, знавших все и вся в нашей Alma Mater.

Все это происходило под ласковым майским солнышком, под чириканье птиц и аккомпанемент потрясающих стихотворений от неувядаемой бабы Нины!

К сожалению, полкружки перешли в кружку, а дальше кто-то открыл бутылку водки, и я, с трудом вырвавшись от «добрых» друзей под возгласы: «на фигу тебе эта олимпиада, брат», помчался на кафедру микробиологии. Конечно же, запах от меня был подобающий пивнушке и точно не олимпийцу-микробиологу. Пытаясь скрыть запах алкоголя, я всю дорогу жевал веточки деревьев и даже надел медицинскую маску.

Однако, как только я вошел в аудиторию, преподаватель, привычно унюхав знакомый запах «ерша», сразу вычислил меня и выговорил мне сполна. Тем не менее, учитывая мои прежние заслуги и хорошие отметки, он все же милостиво разрешил мне участвовать в олимпиаде. Накинув халат, я

кинулся торопливо нагонять своих трезвых коллег и, будучи совершенно пьяным, первым же делом неловко опрокинул на свои новые джинсы полную баночку метиленовой синьки....

Прозвучавший на всю кафедру мой крик отчаяния и горя вконец добил преподавателя, и я с позором был изгнан из учебной комнаты, затем из кафедры и, конечно, с олимпиады. Соответственно, через неделю я сдавал непонятный для себя предмет на общих основаниях, но с черной меткой «алкоголика» самому заведующему кафедрой и с трудом получил отметку «хорошо».

Но самое ужасное случилось у меня только на следующий день в «Снежинке» – лучшей химчистке города напротив кинотеатра «Алатау», куда я притащил свои несчастные джинсы для очистки.... Выяснилось, что метиленовая синька не отстирывается и не выводится ничем. После нескольких бесплодных попыток вывести огромные синие пятна, тетьки из химчистки посоветовали мне перекрасить джинсы в нелюбимый мною черный цвет. Выхода не было, и я, скрепя сердце, дал согласие на покраску.

Через неделю переживаний и бессонных ночей я пришел получать свои джинсы обратно. Так плохо мне не было никогда, джинсы действительно стали черными как уголь – антрацит, черными стали и лейблы, и надписи (самое важное на штанах), но все нитки, которыми штаны были прострочены вдоль и поперек, остались позорного коричневого цвета.

Это была катастрофа вселенского масштаба, но самое страшное ожидало меня дома. Когда почти в слезах я надел свои джинсы, выяснилось, что они ещё и сели почти на пять сантиметров и стали мне короткими. Как только я не пытался их удлинить или растянуть! Но они не хотели возвращаться к своим прежним параметрам. Сразу скажу, других джинсов у меня тогда не было, потому что как только папа купил мои крутые джинсы, я тут же подарил свои обычные голубые джинсы младшей сестре, и она укоротила их под себя. Одним словом, накануне долгожданного лета я остался без единого шанса показаться в городе во всей красе.

И вот в самый разгар моих переживаний и отчаянных попыток наладить свою жизнь после очередного телефонного разговора мы договорились с незнакомкой о первой встрече...

Темнее самой черной майской тучи стоял я у гостиницы «Казахстан», мои исковерканные джинсы были приспущены до предела, и я вынуждено надел свои старые высокие кроссовки, чтобы максимально прикрыть торчащие ноги. Настроение было хуже некуда, и я молил Бога, чтобы Раушан (так звали девушку) не пришла на свидание или оказалась некрасивой и злой, чтобы сразу извиниться и прекратить навсегда свои мучения и позор. Как это обычно бывает, девушка опаздывала, и я, съедаемый отчаянием и дискомфортом, отмерил для себя последние пять минут, после которых собирался покинуть злосчастное свидание и уйти до-

мой.

Ровно через пять минут, подняв глаза, я увидел милую и красивую девушку, которая бежала мне ко мне, улыбаясь и приветливо махая рукою. Я тоже помахал ей рукой, и тут вдруг спохватившись, понял, что она бежит совсем не ко мне. Обернувшись, я увидел парня, спешащего к ней навстречу и заключившую ее в свои объятия. Когда, уже смирившись со всеми несчастьями, свалившимися на мою голову, я с горечью понял, что и здесь мне не повезло, я вдруг услышал такой знакомый по телефонным разговорам голос, произнесший всего два слова:

– Привет, Даник!

Взглянув на подошедшую девушку, я в тот же момент, забыл про все на свете: свои изуродованные джинсы, милую девушку в чужих объятиях, пропавшую олимпиаду и «четверку» по микробиологии. Раушан оказалась на редкость хороша собой, к моей радости, она не особо любила бары и кафе, и мы просто пошли с ней гулять, вниз по проспекту Ленина. С того дня я и Раушан практически не расставались, мы часто бродили по вечерней Алма-Ате, бесконечно болтали и целовались. Это было хорошее время, светлые и искренние отношения, радость от общения и нескрываемая грусть при расставании. Ночью мы скрытно продолжали общаться по телефону, делились любимыми книгами и слушали по несколько раз нетленный хит Ф. Р. Дэвида: «Words

don't come easy to me...»⁸

Через некоторое время я уехал в Джекказганскую область на два месяца в ССО. Перед отъездом я обрезаю злополучные джинсы, сделав из них шорты с крутыми замочками и покрашенными лейблами. Вернувшись из стройотряда, я тут же купил себе новые джинсы «RIFLE». Но, так получилось, что оставшись без своей «счастливой золотой звезды», я, к сожалению, через полгода расстался с Раушан.

Время беспощадно: сегодня уже нет той милой и уютной Алма-Аты, наш институт переименовали, а многие из моих сокурсников и друзей, к сожалению, покинули этот мир. В память о той «золотой» поре остались многочисленные пожелтевшие черно-белые фотографии и слайды, письма друзей и теплые воспоминания о прекрасном времени молодости, любви и дружбы. Даже сейчас, спустя много лет, услышав песню «Words» на Ретро FM, я до сих пор с теплотой вспоминаю те прекрасные юношеские отношения и переживания, и вновь ощущаю манящее послевкусие своей студенческой весны...

⁸ англ. – «Слова, так нелегко мне их подбирать»

ТУАЛЕТ

На первом курсе, занятия по анатомии человеческого тела проходили в старом довоенном здании Алма-Атинского государственного мединститута, что на улице Комсомольской. Сталинское здание с тяжелыми дверями, массивными лестничными ступенями и дубовыми перилами всегда вызывало у меня уважение и достойное почтение. Коридоры кафедры ещё помнили целую плеяду великолепных профессоров и знаменитых преподавателей, эвакуированных в Алма-Ату во время Великой Отечественной войны из лучших университетов и институтов Москвы и Ленинграда.

Как-то мы с моим закадычным другом Андреем Алёшиным, выскочив на перемене с лекции, решили посетить туалет рядом с лекционным залом на первом этаже. Туалет был старый, под стать зданию, и вместо привычных унитазов был оснащен несколькими кабинками с «торчками» нижнего типа – отверстиями в полу, оборудованными железными подставочками с пупырышками для сидения на корточках. Над каждым отверстием висели массивные бачки с водой с металлическими цепочками и деревянными ручками для слива воды.

Достоинствами таких туалетов являются простота и надёжность конструкции, что позволяет им функционировать в условиях постоянного вандализма, а также гигиенич-

ность – при их использовании посетителю не надо касаться унитаза ничем, кроме подошв обуви. Основным недостатком является необходимость сидеть на корточках, что требует определённой координации и балансировки. Сами кабинки располагались на высоком подиуме, к которому вели три высоких ступеньки.

Поскольку новый учебный год только начался, помещение было только после ремонта и пахло свежевыкрашенной краской. Торопясь закончить ремонт, рабочие не пожалели бело-голубой краски, но не успели установить замочки-шпингалеты на двери, прикрепив только дверные ручки. Мы забежали с Андреем в туалет, и я нетерпеливо дернул первую попавшуюся ручку на себя, но она не поддавалась. Мне пришлось приложить изрядное усилие, чтобы с трудом открыть приклеившуюся дверь. Я уже с вожделием устраивался в своей кабинке, когда Андрей, следуя моему примеру, из всех сил дернул соседнюю дверь...

За разделяющей нас перегородкой я вдруг с удивлением услышал громкие проклятия и шум падающего грузного тела! Оказалось, что в соседней кабинке присел на корточки один из наших преподавателей, который за неимением замка на двери крепко держал ручку двумя руками. Когда ничего не подозревающий Андрей дернул ручку, он, конечно, не догадывался, что кабинка может быть занята, и, помня, как тяжело мне далось открывание двери, вложил в рывок все свои силы.

Несчастный преподаватель, ругаясь на чем свет стоит, рухнул прямо на Андрея, повалив его на пол. Не дожидаясь неминуемой расправы и передумав идти в туалет, мой друг, с трудом выбравшись из-под упавшего мужчины, тут же сбежал из туалета. Я, еле сдерживая смех, во избежание лишней огласки, решил не обнаруживать свое присутствие и осторожно замер в своей келье.

Как только ученый муж, с кряхтением и ругательствами вернулся на свой постамент, я с силой толкнул свою дверь и бежал прочь, так и не воспользовавшись законным перерывом по назначению. Вернувшись в лекционный зал, я подсел к Андрею, и всю вторую часть лекции мы практически без остановки хохотали, валяясь под столом, вызывая недоуменные взгляды окружающих.

Говорят, что собственные жизненные уроки – самые лучшие и важные, и я готов согласиться с этим утверждением на все двести процентов. Поэтому, если вдруг в каком-нибудь аэропорту или в других общественных местах на двери в туалете нет замочка, я, помня тот случай в «анатомке» осенью 1982 года, всегда заблаговременно кашляю, обозначая себя, и, главное, никогда не держу дверь обеими руками...

Yano

ЗАПИСКИ ВРАЧА

*Светлой памяти моих близких друзей и коллег,
настоящих врачей и просто хороших людей:*

Мухтара Абулкановича Имбергина и

Юрия Викторовича Просвиркина

Специально постарался написать максимально простым «не врачебным» языком, и сегодня предлагаю вашему вниманию рассказы, объединенные почти по А. П. Чехову в единые «Записки врача». Я расскажу вам несколько историй, произошедших со мной в стенах ГКБ №5, где я проработал почти 10 лет. Возможно, сейчас по истечению времени рассказы покажутся вам забавными, но тогда, поверьте, мне было далеко не до смеха... Вы найдете здесь также рассказы из моей жизни в Целинограде, где я отработал врачом экстренной хирургии в течение двух лет после окончания медицинского института в 1987 году.

Многие из вас не понаслышке знают, как тяжела профессия врача. Но скажу честно, что нет, на мой взгляд, тяжелей работы, чем работа экстренных служб, врачей приемного покоя хирургии, роддомов, гинекологии и реанимации. Знаю, потому что сам много лет проработал именно в приемном покое экстренной хирургии, когда работаешь как на фрон-

те, видишь ежеминутно кровь и отчаяние, слышишь детский плач и стоны и вдыхаешь невообразимые запахи. Ты находишься на передовой один на один с больными, принимаешь непростые решения, от которых может зависеть жизнь больного, и при этом самим врачам часто угрожают и оскорбляют, на них нападают и избивают, а одного моего коллегу на дежурстве ранили наркоманы, требуя наркотики...

Посвящается всем врачам и медработникам, с уважением!

ДЕСАНТНИК

Этот случай произошел со мной в те далекие советские годы, когда могучий Союз готовился вот-вот развалиться, но еще горделиво звался СССР и имел вполне боеспособные Воздушные десантные войска – ВДВ. Мне было 25 лет, и я работал врачом-ординатором в первом челюстно-лицевом отделении 5-ой городской больницы на углу улиц Ленина и Хаджи Мукана, что напротив гостиницы «Алатау».

В тот день я отработал свой основной рабочий день и остался на ночное дежурство ответственным врачом по больнице. Мой друг и коллега Алтай, как это часто бывало и раньше, тоже остался в клинике, и мы спустились в приемное отделение сыграть в нарды и пообщаться с коллегами. Было тихо и спокойно, плыл прекрасный теплый, летний алма-атинский вечер, больных было не много, и ничто не предвещало беды. А еще, где-то в глубине большого города, в Парке имени Горького, параллельно праздновали день десантника....

Ближе к вечеру, меня вызвали в смотровую осмотреть тяжелую больную. Скорая помощь привезла избитую девушку с переломом носа и сотрясением мозга. Обычно в таких случаях мы оказываем больным экстренную помощь, проводим репозицию костей носа и остановку кровотечения, а затем переправляем в нейрохирургию. Но девушка оказалась на-

шей коллегой – процедурной медсестрой нашего отделения, поэтому мы прооперировали ее и оставили на лечение у себя в реанимации. Позже выяснилось, что Татьяну избил пьяный муж, о чём она попросила не заявлять в милицию, а я не стал настаивать.

После истории с Татьяной, наш спокойный вечер как будто «сглазили», поступило много пациентов, я практически не вылезал из операционной и к ночи вконец вымотался. Алтай немного помог раскидать пациентов, а потом шатался по отделениям, заигрывая с сестрами, но в одиннадцатом часу, переодевшись, неожиданно подошел ко мне, как будто хотел сообщить что-то важное, но передумав, быстро удалился восвояси.

Ближе к полуночи я решил немного поспать и расстелил в ординаторской наш «врачебный» диванчик, чтобы с чистой совестью отдохнуть от тяжелого дня. Вдруг зазвонил телефон: пьяный, грубый мужской голос нагло на «ты» потребовал к телефону Татьяну. Я вежливо объяснил, что она в реанимации, в состоянии средней тяжести, и поэтому не может говорить, предложив навестить ее завтра. В ответ пошли угрозы и маты, и я просто бросил трубку. Он позвонил вновь и потребовал срочно позвать дежурного врача, услышав мой утвердительный ответ, спросил:

– А ты один там врач или есть другие?

Я ответил ему, что я один и больше разговоров не будет, затем положил трубку и отключил телефон от сети.

Выключив свет, я снял халат, закрыл ординаторскую на ключ, задернул прикроватную шторку и, не снимая хирургический костюм, завалился спать. Была полночь, за окном громко пели цикады и сверчки, и наша больница мирно спала. В это же время в городе официально закончился день десантника.

Внезапно от одного мощного удара, дверь в ординаторскую разлетелась пополам, разбилось зеркало, упали какие-то картины и цветы, при этом грохот был такой, как будто в комнату попала авиабомба! Несчастливая занавеска, отделявшая меня от внешнего мира, была сдернута вместе с палкой, на которой она успешно висела много лет. В тот же миг огромный двухметровый мужик в десантной форме с аксельбантами и в тельняшке, в голубом берете и высоких армейских ботинках накинулся на меня, выдернул из кровати, мгновенно порвав верхнюю часть моей пижамы в клочья...

Так стремительно и страшно начался «мой» персональный день десантника!

Сказать, что я испугался, значит ничего не сказать. Я просто ошалел! Представьте себе, я только уснул, и вот уже меня трясут и швыряют из стороны в сторону, как тряпичную куклу, бьют о стену и пытаются задушить. Нападавший с такой силой обхватил меня своими руками, что я едва мог дышать. Его многочисленные значки и медали вонзились в меня, исцарапали мне грудь, я же, болтаясь в его объятиях, даже не касался ногами пола.

На шум сбегались ошеломленные сёстры и нянечки. Несчастные женщины попытались позвонить в милицию, но он тут же разбил телефон об стену. В какой-то момент мы вывалились в коридор, из палат высыпали больные, и с ужасом наблюдали, как бравый десантник методично избивает их доктора. Надо отдать им должное, они решили мне помочь и накинулись на него со всех сторон. Картина, конечно, была не для слабонервных, мы катались по полу, крича и ругаясь, попутно громя всё и вся на своем пути. Разбили шкаф с медикаментами, повалили подставки с цветочными горшками и фактически разгромили медсестринский пост.

Представьте разбитую дверь, обломки мебели и горшков, грязь, поломанные растения и еще кровь! Кровь была везде, все участники битвы были окровавлены так, что я думаю, мы сотворили казахский вариант Варфоломеевской ночи. В какой-то момент у меня наконец высвободились руки, и я изо всех сил начал бить его по лицу одним из цветочных горшков. Мои преданные больные, окровавленные и забинтованные, тоже били его со всех сторон кто чем мог, но все было тщетно. Гадёныш оказался огромной физической силы, периодически кто-то из больных отлетал от ударов его страшных кулаков или ног в тяжелых армейских ботинках. В какой-то момент я уже не чувствовал страха и боли, было лишь одно желание покалечить, что-нибудь сломать ему или повредить. Мне стало все равно, я просто хотел убить его, совершенно не думая ни о каких последствиях.

Наконец-то прибыла милиция, шесть бравых парней и еще следователь из РОВД. Нас с трудом растащили по углам, а десантника пристегнули наручниками к батарее. Только после этого, все начали приводить себя в порядок, и начался процесс зализывания ран.

Погром был жутчайший!

Меня трясло, я дышал как загнанная лошадь, с безумными глазами, голый по пояс, босиком и весь в крови. Всех больных перевязали, сестры и санитарки подмели и помыли пол в отделении, смыли кровь и убрали разбитые стекла. Вызвали плотника Михалыча, который временно кое-как собрал до утра дверь в ординаторскую. К тому времени я уже переоделся в больничную пижаму, обработал раны и перевязался. Кое-как приведя себя в порядок, я попросил себе крепкого чаю, так как меня било мелкой дрожью, и я никак не мог успокоиться. Только теперь я узнал, что напавший на меня десантник по имени Юра оказался мужем той самой медсестры Татьяны, которую я прооперировал вечером прошлого дня, и с которым говорил по телефону накануне. Мы все, включая меня, больных и саму Татьяну, дали показания следователю и написали заявления против этого вояки.

Когда все закончилось, менты потащили его в машину, а я аккуратно закрыл клеенную дверь на замочек и решил выпить свой чай. Чай был невозможно горячим, я поставил стакан на стол и присел рядом, переваривая последние события. Чтобы вы понимали все до конца, скажу, что наше отделе-

ние, в котором произошло сие событие, находилось на четвертом этаже. Потихоньку приходя в себя, я вдруг услышал громкие крики, удары и топот бегущих по лестнице ног и почему-то сразу понял, что «мой» праздник продолжается.

Дверь, бережно собранная Михалычем, с грохотом разлетелась повторно, в комнату опять ворвался обезумевший десантник Юра с металлическим табуретом в руке, и главное совершенно один, без ментов...

«Опять?!» – мелькнуло у меня...

Скажу честно, я дрогнул, у меня не было ни сил, ни мужества, ничего вообще, кроме отчаяния и сильнейшего желания исчезнуть из этой ужасной комнаты смерти. Между нами был только мой письменный стол, и когда он подбежал ко мне, я плеснул свой кипяток ему в лицо и, перемахнув через стол, бросился бежать прочь. На счастье, навстречу мне уже бежали побитые и совершенно озверевшие менты, полные решимостью покончить с ним навсегда. Как он вырвался от них, и что там было на лестнице, я не знаю, потому что бежал так же стремительно как Форрест Гамп. Хотя, учитывая, что я по-прежнему был босиком, полураздетый и в бинтах, то скорее в тот момент я был похож на персонажа книги «Остров доктора Моро». Навстречу бежали какие-то люди, врачи, больные и дополнительно прибывший на помощь отряд ОМОНа. Объединенными усилиями несчастного скрутили, долго били, потом зашили раны, перевязали, заковали в наручники и увезли в КПЗ.

В ту ночь я не рискнул ночевать в своей ординаторской, и переночевал в самом тихом и безопасном месте больницы – в отделении анестезиологии и реанимации и только утром вернулся на рабочее место.

Как позже выяснилось, этот Юра – герой Афганистана, имел кучу наград, был гордостью ВДВ и только получил от государства за заслуги 2-х комнатную квартиру в новом доме. Его сослуживцы пришли в отделение и жестко поговорили с больными, участвовавшими в драке, после чего они на всякий случай забрали свои заявления, отказавшись от своих ранних показаний. Сам Юра заставил жену забрать заявление, в противном случае обещая развестись с ней, забрать детей, а её выдворить на улицу. Таким образом, во Фрунзенском РОВД, осталось только мое заявление, на основании которого меня и вызвали спустя некоторое время в суд.

В суд я приехал сразу с ночного дежурства: небритый, помятый, жутко уставший, с красными глазами, сопровождаемый своим другом и коллегой Мухтаром Имбергиным.

Когда мы зашли в зал, мы опешили от огромного количества пришедших десантников, их было не меньше, чем при штурме дворца Амина в Кабуле, все как один в форме, красивые и сильные. Там же сидел Юра, при полном параде: в форме, с медалями, орденами, побритый и чистенький, этаким героем боевой и политической подготовки...

И вот обвинитель, некрасивая толстая тетенька, зачиты-

вает всему залу нашу историю, записанную со слов Юры.

В день праздника, он с друзьями был в клубе боевого братства, когда узнал, что его жена попала в больницу. Обеспокоенный он тут же позвонил в отделение, где ему г нахамили и послали куда подальше. Когда он вечером зашел поговорить с дежурным врачом (со мной), то тот, будучи пьяным и не адекватным, напал на него вместе с больными, избил, да еще и впоследствии сдал в милицию по ложному обвинению.

Под глухой ропот зала, следующим выступал я со своей версией, поддержанный только Мухтаром. Все это время присутствующие в зале люди были настроены против меня и дружно негодовали на врача-алкаша, а десантники сверлили меня тяжелыми недобрыми взглядами. Прессинг был настолько жесточайший, что местами мне самому светило наказание за злостное хулиганство. Я был поражен и подавлен, но не забрал заявление, и рассказал все как есть. В итоге ему дали 2 года, и прямо в зале он пообещал отомстить мне...

А дальше, я два года жил в постоянном напряжении, ожидая, когда он выйдет из тюрьмы и сдержит свое обещание. Его жена Татьяна выздоровела и, не сказав мне даже спасибо за операцию и лечение, тут же уволилась с больницы. Но вскоре рухнул Союз, и они с мужем, который к тому времени вышел из тюрьмы досрочно, уехали на ПМЖ в Россию, так и не попрощавшись со мной.

«Уф!» – облегченно подумал я, а сам все гадал, что же

произошло в тот летний вечер, и почему же он так хотел расправиться со мной? Помню, когда я часто рассказывал эту историю в разных компаниях, то иногда ловил на себе странные взгляды Алтая. Не помню, сколько лет прошло, но как-то раз, после очередного моего рассказа о десантнике, крепко выпив, Алтай раскрылся и рассказал мне всю правду:

В тот злополучный день Алтай выпил после работы с нашими коллегами и мирно собирался домой в той самой злощастной ординаторской, когда впервые позвонил Юра, муж Татьяны. Диалог был примерно такой:

– Ты кто?

– Дежурный врач, – и Алтай называет мою фамилию.

– Быстро Таньку позови к телефону...

– Не могу, это служебный телефон, и больных мы не зовем...

– Эй, урод, видимо, ты не понял с кем говоришь. Или зовешь её, или тебе конец, сейчас я приеду и кончу тебя на месте!

Кто хоть немного знает Алтая, может представить, как и что он ему ответил...

Писать об этом, конечно, нельзя, да и так понятно, что нормальных слов там, в принципе, не было, и в конце апофеозом разговора прозвучало что-то типа:

– Ну, давай приходи, я прямо здесь и сейчас тебя кончу...

После чего швырнув трубку, гордый Алтай сообщил Татьяне, что звонил её муж, но поскольку был пьян, то получил

от него достойный отпор.

На что Татьяна с ужасом спросила его:

– А Вы, доктор, не ругались с ним? А то он такой нервный, когда выпьет, полный психопат и дурак... Он же десантник, служил в штурмовой группе, контуженный на всю голову, да и живем мы недалеко...

Дальше вы уже все знаете, выговорившийся Алтай ушел домой.

Я отметил настоящий день ВДВ, и навсегда запомнил 2 августа или День десантника!

ВETERAN

23 февраля 1986 года, в День Советской армии, мы с моим другом Мухтаром Имбергиным дежурили в приемном покое. Особенность работы в праздники такова, что сам праздник чаще всего проходил спокойно. Потому что в большинстве своем советские люди по обыкновению пили по квартирам и кабакам, а в случае получения травм и повреждений, если оставались живые, то в больницу шли только на второй или третий день, дабы не получить «волчью» справку об алкогольном опьянении. В советское время это гарантированно лишало вас премии, продвижения по карьерной лестнице и обеспечивало проблемы с партией, так что с этим не шутили, даже в ущерб здоровью. У нас самые трудные дежурства считались после праздников: 7 ноября, 1 мая, 23 февраля и 8 марта. Пик переломов, ножевых ранений и травм в эти дни был самый высокий.

Так вот в тот день, 23 февраля, ничто не предвещало беды, и наша веселая, озорная медсестра Оля приготовила нам праздничный пирог, и вкупе с бутылкой шампанского вечер обещал быть превосходным. Пока Ольга накрывала в бытовке стол, я быстренько осмотрел больных и с чувством выполненного долга устремился к бытовке.

С кушетки навстречу мне поднялся старик в полушубке, из-под которого виднелся выдавший вида пиджачок с двумя

рядами орденских планок:

– С праздником сынок, – сказал он и чуть поклонился.

– И Вас с праздником, дедуля, что у Вас случилось? – спросил я вежливо.

– Хотел вот кровь сдать за деньги, – серьезно ответил дед...

Я безмерно уважаю ветеранов войны и, конечно же, понимал, что старику не на что выпить в свой законный праздник День Советской армии, тем не менее, мягко и вежливо попросил его пойти домой.

– Мы не берем кровь, отец, это в другой клинике берут, на станции переливания крови.

– Да знаю я, так она вон, где находится, а мне сейчас нужно и здесь.

– А сколько нужно-то? – спросил подошедший к нам Мухтар.

– Да три рубля всего, сынки, – сказал дед со вздохом.

Было безумно жаль этого деда, видеть его старые и заношенные вещи, плохо выбритую седую щетину и руки с набухшими венами, но главное, была огромная обида за поколение стариков, влачащих жалкое существование в стране, победившей в Великой войне.

Мы, не сговариваясь, достали по три рубля, потому что было что-то такое несправедливое в этом стоящем перед нами старике-ветеране, который не просил деньги в переходе, а достойно предлагал свою немолодую кровь, возможно,

не раз пролитую на войне, за несчастную бутылку водки.

К нашему удивлению, дед категорически отказался брать деньги у нас, он гневно сверкнул своими подслеповатыми глазами и сказал:

– Вы за кого меня принимаете, я не попрошайка какой-нибудь, берите кровь и платите...

Понимая, что история может затянуться, Мухтар подозвал Ольгу и громко попросил взять кровь для лаборатории, а уже на ушко прошептал:

– Возьми пару капель в пробирку, и пусть идет домой...

Дед, восхищенный своей маленькой победой, уже закатывал рукав левой руки. Ольга принесла шприц и пробирку, а я бережно придерживал деда, присевшего на кушетку.

В паре метров от меня за закрытой дверью бытовки, уже дымил горячий пирог с мясом, кипел чайник, а в холодильнике мерзло шампанское, и мы, в нетерпении переглядываясь с Олей в предвкушении праздника, начали забор крови у пациента.

Дед хорохорился и заигрывал с Олей, но как только она вонзила иглу в вену, он, видимо, от избытка чувств и переживаний, вдруг закатил глаза и, повалившись на кушетку, потерял сознание. Господи, только этого нам не хватало, подумал я и начал приводить его в сознание, но дед упорно не открывал глаза, по его телу прокатилась волна конвульсий, и бедный старик начал потихоньку умирать у меня на руках.

Я быстро позвал Мухтара, Ольга помчалась за сумочкой неотложной помощи, и когда подоспел спешно вызванный врач-реаниматолог, вокруг старика уже кипела работа.

Мы ввели ему гормоны и активно делали искусственное дыхание, параллельно проводили массаж сердца и интенсивную терапию. Целый штат врачей и медсестер вместе с нами проводили все необходимые реанимационные мероприятия, и спустя 10—15 минут невероятных усилий, к нашей великой радости, старик очнулся.

Весь окутанный проводами датчиков, с инъекционными системами в каждой руке, он растерянно оглядывал взволнованных и запыхавшихся людей вокруг себя и ничего не мог понять.

Никого не узнавая вокруг, он вдруг увидел меня и слабым голосом спросил:

– Всё, уже взяли кровь? А где мои деньги?

Под недоуменными взорами собравшихся я вложил в нагрудный карман его пиджака шесть рублей и сказал:

– С праздником, отец! Больше не сдавай кровь, пожалуйста... ста...

Через 10 минут его увезли на реанимобиле в БСМП, мы с Мухтаром крепко пожали ему руку и пожелали скорейшего выздоровления. Когда скорая помощь уехала, и все разошлись, мы в мокрых от пота хирургических костюмах обесилено уселись на злополучную кушетку и переглянулись. Все потрясенно молчали, и тут Мухтар сказал:

– Ну что, взяли крови, теперь можно и выпить...

– И, обращаясь к Ольге, добавил:

– Только, ну его подальше, твое шампанское! Неси-ка ты,

Оленька, спирт, да побольше...

Кстати, к слову сказать, мы позвонили в БСМП и узнали, что к нашей великой радости дед благополучно выписался домой через три дня!

ДЕНЬ КООПЕРАТОРА

В конце 80-х и начале 90-х годов по всей стране активно процветала кооперация, или, как говорил мой папа, легализованная спекуляция. Соответственно помимо новоявленных коммерсантов появилось огромное количество бандитских группировок, рэкетиров и мошенников. Именно в это беспокойное время произошла интересная история, произошедшая со мной и моим другом Алтаем весной 1990 года, в преддверии праздника 8 марта в нашем прекрасном городе Алма-Ате.

Как вы уже знаете, мы с Алтаем работали в больнице, соответственно денег у нас было мало, и их всегда катастрофически не хватало. Но именно тогда, будучи молодыми и веселыми, мы находились в активном поиске приключений, испытывали неудержимый и постоянный гон любви, и были необыкновенно любвеобильны и доступны. В этом плане больница была очень удобна тем, что мы постоянно общались с множеством людей, в том числе и красивыми девушками. Алтай ко всему еще работал на кафедре, и у него был маленький кабинет в подвале больницы, специально для отработок пропущенных занятий, проштрафившимися студентками...

У меня тоже периодически завязывались небольшие знакомства с молодыми врачами-практикантками, а иногда —

с моими пациентками. Будучи близкими друзьями, мы с Алтаем охотно знакомили друг друга с интересными девушками. Не знаю почему, но существует мировая практика гипнотического влечения пациенток к своим лечащим врачам, особенно к молодым хирургам, и, возможно, поэтому моя бывшая пациентка пригласила меня отпраздновать свой день рождения и, заодно, праздник 8 марта. Конечно же, мне очень льстило это приглашение, тем более что девушка была весьма привлекательной особой: высокая и миловидная, с длинными каштановыми волосами и безукоризненной фигурой.

Айша, назовем ее так (все имена в рассказе вымышлены), была известным в городе кооператором! Она была не только красива, но и хорошо образована, стильно одевалась, говорила на английском и французском языках, имела свою квартиру и, кроме того, была неприлично обеспеченной девушкой. Таинственно улыбаясь, Айша сообщила, что будет ждать меня в ресторане «Бригантина», что находился на углу улиц Гоголя и Мира, с парой подружек! Соответственно, она не возражала, если бы я взял с собой друга, желательно веселого и симпатичного.

Я позвонил Алтаю, он с радостью согласился, и решение было принято молниеносно, хотя у нас возникли некоторые трудности, связанные с отсутствием денег. Скинувшись на двоих, мы собрали около семи рублей, которых, конечно же, было недостаточно для покупки достойного подарка.

Надо понимать, что 90-е годы были очень смутные и непростые, все магазины, включая легендарный ЦУМ, были девственно пустые, при этом кафе «Бригантина» было дорогим и культовым местом, куда не все были вхожи. Не мудрствуя лукаво, мы приняли решение просто купить цветы, но поскольку на букет роз нам не хватило, было решено взять семь гвоздик по 50 копеек за штуку, на общую сумму в три с половиной рубля!

В ресторан мы поехали на автобусе, как были, в стареньких джинсах и в одинаковых белых туфлях от «Salamander», но в отличие от меня, Алтай выгодно выделялся кожаной курткой, позаимствованной у старшего брата. В автобусной давке нам ожидаемо сломали одну из гвоздик. Раздумывая как быть, мы вначале решили подарить Айше пять цветков, но и без того чахлый букетик, стал выглядеть совсем уж немощным и убогим. Поскольку, как вы знаете, дарить шесть цветков нельзя, мы решили «прооперировать» сломанный цветочек: выскоблили стебель изнутри и вставили внутрь обгорелую спичку, сам излом замотали зеленой ниточкой и закрепили скотчем от обертки. Вид у цветка был, конечно, достаточно жалкий, но он стойко держался, замаскированный в середине букета, который мы бережно повезли имениннице.

«Бригантина» встретила нас всем своим великолепием и строгой вывеской «Резерв». Слегка заробев, мы обратились к вахтеру, и, несмотря на наш скромный дресс-код, нас

провели на второй этаж ресторана. Я никогда не был в «Бригантине» до этого и, конечно же, был поражен роскошью интерьера и размерами стола, ломившегося от всевозможной еды и доселе невиданных напитков типа виски и джина. Играл джаз-банд, ресторан был пустой, посреди комнаты во главе этого богатого стола в вечернем платье сидела Айша и (внимание!) 12 подружек (!), одна краше другой.

Тут у нас, конечно же, «в зобу дыхание сперло»...

Но вот оно, преимущество молодости, мы и здесь были «на высоте»: 6,5 гвоздик, белые «Саламандры», кожаная куртка брата и, самое главное, нас было всего двое на этом ослепительном женском празднике! Под веселые крики девушек, меня посадили рядом с именинницей, почти как на свадьбе. Что касается Алтая, то он подобно Тим Роту на шабаше ведьм из кинофильма Квентина Тарантино «4 комнаты», кружил среди дам, искрил и вёл вечер, непрерывно заказывал шампанское и даже пытался вручить каждой из них по гвоздике! Было шумно и весело, мы радовались прелестям жизни и единственное, что меня смущало, что для всех я как будто бы был парнем Айши. А между тем, я не сводил глаз с другой девушки по имени Шолпан, удивительно красивой, высокой и большеглазой, белокожей с небольшими веснушками, которые, впрочем, совсем не портили ее красоту, с иссиня-черными волнистыми волосами и длинными ногами, она казалась мне просто богиней, сошедшей с Олимпа.

Выяснилось, что пианистом в джаз-банде оказался мой одноклассник по РФМШ Саша Новицкий, и он милостиво сыграл мне пару «медляков» бесплатно, тогда как стандартная такса на заказ была 3—5 рублей за песню. Хоть здесь повезло, думал я, нежно обнимая в танце свою божественную партнершу. Шолпан танцевала прекрасно и чувственно, была в меру пьяна и игрива, и в воздухе отчетливо запахло любовью. Я был на седьмом небе от счастья, а Алтай, наверное, на восьмом: он танцевал со всеми девушками подряд, обнимал, целовал и всем предлагал жениться! Мы впервые в жизни пили бурбон и текилу, не думали о деньгах, веселились в вихре музыки и счастья, и только Айша была задумчивой и грустной на своем празднике.

Как это часто бывает, счастье не длилось долго. Неожиданно в дверь вломились с десятков крепких парней в спортивных адидасовских штанах, кроссовках и коричневых кожаных куртках. Первый из вошедших с трудом нес в руках огромный букет из пяти сотен алых роз. Он властно остановил музыку и усыпал стол перед Айшой цветами, заодно похоронив, наш позорный букетик из шести гвоздик (Дело в том, что седьмая, с трудом отреставрированная раненая гвоздика все же сломалась, участвуя в ролевых играх Алтая). Оказалось, что Серик – бывший парень Айши, известный рэкетир и таэквондист, будучи человеком решительным, решил поздравить свою возлюбленную, неожиданно нагрянув в ресторан вместе со своими друзьями-бандитами. Кроме

того, его заместитель и лучший друг Берик, ко всему еще оказался парнем известной вам красавицы Шолпан, а я «попал» дважды...

И вот воздух «Бригантины», наполненный до того момента густым запахом счастья и любви, вдруг отчетливо пропитался липким страхом и ожиданием неминуемой расправы.

Надо сказать, что наши девчонки сразу поникли и погрузнели, да и у нас кусок перестал лезть в горло, а вести вечер и острить особенно уже не получалось. Тем не менее, Айша, будучи хозяйкой вечера, торжественно представила нас бандитам. В полной тишине, я без особого энтузиазма предложил выпить за виновницу торжества, но никто, включая загрустившего и притихшего Алтая, меня не поддержал. Парни, для которых я уже был практически не жилец, смачно пили водку, не размениваясь на всякие импортные бренды, не закусывая, но запивая пивом. С каждой рюмкой они становились все агрессивней, и постепенно до их затуманенных мозгов дошла информация, на кого их, собственно, поменяли. «Доминирующие» самцы заиграли своими мышцами, решив показать двум чужакам, кто есть «who» и «who is» кто.

Берик устроил разборку несчастной Шолпан, а Серик непрерывно требовал объяснений от Айши, кто мы и откуда, и почему на объявленном заранее закрытом девичнике вдруг появились два непонятных мужика. Несмотря на мой повторный и отчаянный призыв выпить за дружбу, нас от-

кровенно собрались бить здесь же, что, конечно же, больше походило бы на избиение младенцев и уж точно не входило в наши планы на вечер. Однако дорога к выходу уже была заблокирована головорезами Серика, и шансов незаметно слинять с торжества уже не представлялось совсем.

Те, кто бывал в «Бригантине», наверное, помнят, что туалет там находился недалеко от кухни. Мы с Алтаем пошли в туалет, тут же нырнули в кухню, а затем мой одноклассник Саша потихоньку провел нас через заднюю дверь, где обычно выносят помои и остатки пищи, и выпустил на улицу. Быстро поблагодарив Сашу, мы тут же бросились бежать прочь.

К сожалению, вскоре наш побег раскрылся, и за нами немедленно была брошена погоня. Кто знает район в квадрате улиц Мира и Гоголя, Октябрьской и Дзержинского, помнит, что там много п-образных тупиковых дворов. Убегая от бандитов, мы спрятались на последнем пятом этаже в подъезде одного из домов. В окно мы видели, как парни по одному забегали в каждый из подъездов и методично искали нас. В то время, в стране жилось не сладко, и поэтому подъезды и дворы практически не освещались, зашедший в наш подъезд бандит, светя зажигалкой, поднялся до 4 этажа, но поленился идти дальше. Мы были чудом спасены. Чуть позже мы выбрались из подъезда и заскочили в очень вовремя подъехавший автобус 32 маршрута и быстро уехали подальше от «Бригантины». На Шевченко Алтай вышел, так

как жил на «Восходе», а я поехал дальше до КазГУ.

Сейчас понимаешь, как близки мы были к трагедии, в то время людей убивали и калечили почти каждый день, криминальная обстановка в городе была безобразная, всюду был беспредел и беззаконие. Но молодость – удивительная штука, следующим утром я уже беззаботно бежал в свою больницу на работу, ничуть не беспокоясь о происшедшем. Как вы помните, мы с Алтаем работали в челюстно-лицевом отделении 5 ГКБ. Вбегая на 4 этаж, я неожиданно встретил Алтая, в надвинутом на лоб колпаке и в хирургической маске до самых глаз. Я удивленно спросил:

– А что это ты вдруг ходишь в маске, брат, не заболел ли?».

Его ответ меня крепко озадачил:

– Там вчерашний Берик бродит возле отделения, наверное, нас ищет.

Я быстро нырнул в ординаторскую, переоделся и тоже надел маску, от греха подальше.

Тут вошел наш жизнерадостный и шумный заведующий отделением Али Алиевич с пачкой историй болезней пациентов, поступивших ночью, и начал раздавать их лечащим врачам. Надо сказать, что у меня было две палаты: мужская и женская. Мне достались трое новых больных, и я пошел их осмотреть, чтобы успеть ознакомиться до обхода.

Сюрприз ждал меня в женской палате: в три утра к нам поступила красавица Шолпан с переломом нижней челю-

сти со смещением. Наши танцы и побег дорого обошлись несчастной девушке. И, хотя, конечно же, мы с Алтаем не были виноваты в случившемся, все равно я чувствовал себя крайне скверно и отвратительно. Выглядела она ужасно, вся левая сторона лица была как один огромный синяк, челюсти зашинированы грубой металлической проволокой, руки покрыты синяками и гематомами. Вместо шикарного вечернего платья и красивых туфель, на ней был застиранный больничным халатик и тапочки.

Я осмотрел снимок, требовалась экстренная операция, перелом был оскольчатый и со смещением, и ко всему, один из зубов попал в линию перелома. Подобные операции обычно проводят под наркозом, делают разрез на шее параллельно нижней челюсти, но в этом случае, даже при всем искусстве хирурга, рубец остается на всю жизнь. Как вы понимаете, любой шрам, да еще и на лице, это огромное испытание и трагедия для любой женщины. Я максимально осторожно рассказал ей об операции. Она разрыдалась у меня на плече, и мне было безумно жаль ее, понимая, что какие-то жалкие пять часов отделяли эту красивую девочку от трагедии, устроенной ревнивым идиотом. Пока ей сделали успокоительный укол, я вышел в коридор и тут столкнулся с Бериком, допрашиваемым следователем. Берик сразу узнал меня и предложил нам с оперативником любые деньги, чтобы замять дело и спасти его от тюрьмы. Как позже выяснилось, он уговорил следователя, и тот «спустил дело на тормозах»,

и теперь все зависело только от меня.

Я же думал только о том, как лучше сделать операцию, чтобы максимально сохранить девушке её природную красоту, зная, что даже самый искусный разрез всегда оставляет шрам на коже. Подумав, я подошел к своему заведующему и, посоветовавшись с ним, спросил его разрешение сделать операцию через ротовую полость, дабы избежать наружного разреза. Технически это было возможно, но проблема в том, что, во-первых, это намного трудней делать ввиду ограниченного доступа, а во-вторых, процент осложнений в этом случае был намного выше. Али Алиевич удивился, но операцию провести разрешил, хотя риск неудачи был достаточно большой. Я пошел поговорить с Шолпан, объяснил опасность рисков и осложнений, кроме того, в этом случае мы не могли оперировать под наркозом, а только под местной анестезией. Немного подумав, она согласилась. Конечно же, Берик, узнав об этом, стал умолять меня сделать все как надо, извинялся и предлагал деньги, а потом вдруг заплакал, сказав, как любит ее и раскаивается. Мне было противно смотреть и, тем более, разговаривать с этим подонком, и я просто ушел.

Вечером я внимательно изучил свои книжки по хирургии и на следующий день в экстренном порядке взял Шолпан на операционный стол. Ассистировал и помогал мне мой большой друг и сокурсник Виктор Вовк, ныне один из самых известных в Казахстане врачей-имплантологов.

Мы тщательно и аккуратно провели операцию остеосинтеза, сопоставили и скрепили отломки, удалили зуб и старательно зашили рану в ротовой полости. Послеоперационный снимок показал 100% точное совмещение отломков, как и было до травмы. Я был безмерно горд и счастлив, через неделю Шолпан уже уходила домой, правда, она еще была в шине, но в целом операция удалась блестяще, без осложнений и проблем. Денег у Берика я, конечно, не взял, но предупредил его, что следующего такого раза уже не будет. Он принес мне две бутылки коньяка «Наполеон», но я их тут же отдал своим коллегам. Больше я его никогда не видел. А с Шолпан мы виделись еще трижды. В последнюю ночь, когда я дежурил в отделении, она вдруг вошла в ординаторскую с бутылкой шампанского и коробкой конфет, несмотря ни на что, она вновь была прекрасна, и волновала меня даже в своем жалком больничном халатике. Мы выпили шампанское, поцеловались на прощание, и утром я выписал ее на амбулаторное лечение. Уже потом я встречал ее пару раз в городе, красивую и здоровую, но это уже было не важно и не интересно для меня.

Что касается нас с Алтаем, то мы часто вспоминали наше приключение в «Бригантине», безумный побег от бандитов, а иногда в пылу романтической мечтательности – нашу подзабытую именинницу...

А между тем, Айша, конечно же, не заслуживала такого непростительного отношения к себе, и наша история по-

лучила достойное продолжение! В мае того же года Айша неожиданно пригласила меня в гости к себе домой. Помня о законе парных случаев, я, не раздумывая, позвал с собой Алтая, так как что-то в этой любовной кооперации меня смущало и напрягало. Что касается Алтая, то он никогда не отказывался от таких заманчивых предложений и возможностей поискать приключений на известное всем место. К тому времени страх перед бандитами позабылся и потускнел перед встречей с интересной девушкой и возможными перспективами чего-то еще... В этот раз мы купили уже 13 (!) гвоздик и бутылку водки на всякий случай.

В квартире нас ждал накрытый стол с баночным импортным пивом и крутой закуской. Обволакивающе играла музыка из огромного двухкассетника «Sharp», в вазе лежали настоящие бананы и киви. Все было как всегда круто и в диковинку: в тот день мы впервые попробовали канапе, а вкуснейшие тосты с расплавленным сыром Айша приготовила в микроволновой печи, чудо, о существовании которого я раньше даже не слышал.

Но самое главное – всё это происходило весной, а весна в тот год была просто чудесной и ошеломляющей! Погода была шикарная и ласковая, за окном гремел май, самый любимый алма-атинцами месяц, жужжали пчелы, пели всякие птицы, и всё вокруг было пропитано романтикой и любовью, а наша Айша была одинока и прекрасна. Быстро вечерело, нас было трое в полусумраке девичьей квартиры, мы весели-

лись, пили шампанское и водку, слушали сексуально-волнующую «Энигму» и бесконечно танцевали по очереди с очаровательной Айшой.

А тем временем в воздухе начало закрадываться ожидание и напряжение...

И вот в какой-то момент вдруг едва слышно скрипнула входная дверь, и кто-то тихо и корректно вышел из квартиры навстречу весне и птицам. И я скажу вам, что это была не Айша...

СОБАКА ПАВЛОВА

Как-то раз в одно из моих дежурств к нам привезли больного из психиатрической клиники. Он не был буйный и, более того, оказался из бывшей интеллигентной среды, что не помешало ему запустить зубы и довести себя до огромной флегмоны⁹ лица и шеи.

Срочно требовалось операционное вмешательство, но больной категорически был против «опытов над собой». Он был очень начитанный и эрудированный, называл себя «спящим кротом» или «советским разведчиком в запасе», а меня – нацистским доктором Менгеле и готов был защищаться до последнего.

Понимая, что нам не удастся договориться «по-хорошему», я пригласил бригаду анестезиологов, и под видом прививки его, наконец, усыпили. В операционной под внутривенным наркозом мы с моим другом Виктором Вовк вскрыли больному флегмону, удалили пораженные части нижней челюсти и некротические ткани и вставили специальные дренажные трубки для орошения раневой полости и введения антисептиков. Вите было интересно пообщаться с незаурядным пациентом, кроме того, этот больной подходил для его будущей диссертации, поэтому он решил положить его в свою палату.

⁹ Разлитое гнойное воспаление

После чего, как и положено в таких случаях, после недолгого нахождения в реанимации, его перевезли в обычную палату на 4-ом этаже. Весь день он спокойно спал, ему прокапали массу лекарств, и состояние его намного улучшилось. Вечером я проведаль его, он пришел в себя и тихо лежал, о чем-то сосредоточенно думая. Мы с Витей проверили его назначения, предупредили больных в палате насчет нового пациента и, так как в отделении было все спокойно, решили спуститься в приемный покой сыграть партию в нарды.

Буквально через полчаса вбежала взволнованная медсестра и, сбиваясь и глотая слова, обратилась к ответственному врачу по больнице Кунтуару Омаровичу:

– Доктор, у нас ЧП! Больной выпал из окна....

Не раздумывая ни секунды, Кунтуар помчался с ней на улицу, а мы бросились за каталкой, готовясь к самому худшему. Когда мы с Виктором с грохотом выкатились во двор, то увидели странную картину: навстречу нам, поддерживаемый Кунтуаром, совершенно живой и здоровый, шел наш прооперированный «псих». Повязки на голове не было, из раны на шее на белую больничную пижаму лилась потоком кровь, при этом он истошно орал на всю округу. Я пытался понять, что у него сломано, но на вид он был совершенно цел и невредим, не считая операционного разреза. Наш доктор бережно тащил пострадавшего на себе как фронтального друга, закинув его руку себе на плечо, периодически встряхивая, чтобы он не заваливался. После каждого тако-

го движения крики несчастного усиливались многократно, и поскольку он кричал невыносимо громко, то мы положили его на кушетку и тщательно осмотрели. . .

Как выяснилось, у него оказался перелом плечевой кости именно той руки, за которую его и тащил наш ответственный доктор. Уже в приемнике, осмотрев его еще раз, мы ввели ему успокоительные и обезболивающие препараты, наложили временную шину на поврежденную руку, остановили кровотечение и заново перебинтовали рану на шее. Поскольку теперь ему требовалась операция на руке, мы с огромным облегчением переправили его в травматологию 4-й городской больницы, как с более серьезным сочетанным заболеванием. После того, когда мы подготовили все необходимые переводные документы и выписали все рекомендации для своих коллег из «четвёрки», он благополучно «отчалил» в ГКБ №4, а я зашел в палату узнать, что же произошло в мое отсутствие.

Оказывается, как только мы вышли из палаты, наш «псих» сорвал с себя все бинты, подошел к зеркалу и, посмотрев на торчащие из раны трубки, мрачно произнес:

– Так я и знал, они хотят сделать из меня собаку Павлова.

После чего, не дрогнув, вытащил из раны все дренажи и трубки, шагнул к открытому окну и с фразой: «Я не дам из себя делать подопытного кролика» под отчаянные крики больных, не раздумывая, прыгнул вниз.

Напомню, что палата находилась на четвертом этаже, и я думаю, что любой нормальный человек, если бы не погиб

от падения с такой высоты, то уж точно бы остался калекой на всю жизнь. Но наш «разведчик» ограничился только лишь переломом плеча, и даже без сотрясения мозга. Хотя зная его состояние и диагноз, кто его знает, как глубоко и сильно был потрясен его мозг еще до приезда к нам.

Откровенно говоря, я не знаю судьбу этого несчастного, но не исключаю, что зная его «везучесть и живучесть», возможно, он и сейчас жив и здоров, и может быть до сих пор «служит» в советской разведке...

КРАСАВИЦА И ЧУДОВИЩЕ

Этот случай произошел на одном из моих обычных дежурств в приемном покое челюстно-лицевой хирургии.

Я дежурил «сутки» и как обычно «зашивался» на приеме. Наступили летние каникулы, и как это обычно бывает, сразу повалили дети со всевозможными травмами. Больных было много, и мы «запустили конвейер» – я зашивал раны, а сестра после соответствующей пробы ставила им инъекцию детского противостолбнячного анатоксина.

В очередной раз, пробегая из операционной в кабинет, я вдруг увидел заходящую в приемный покой необыкновенно красивую девушку: высокая и стройная, с аккуратной прической и огромными глазами, она тут же приковала к себе внимание всех мужчин, но обратилась ко мне, как к дежурному врачу:

– Простите, доктор, а где проходят практику студенты 5 курса?

Я, сто раз пожалев, что не сам провожу эту практику, указал ей в сторону учебных комнат. Она, мило поблагодарив, ушла, оставив после себя слабый запах чудесного парфюма, совершенно неуместного в нашей дикой смеси запахов крови, лекарств и хлорки. Возможно, в суматохе больничных забот я бы и забыл о ней, но спустя некоторое время ко мне подошел ассистент кафедры с небольшой группой студентов

и попросил меня занять их в течение часа чем-нибудь полезным, так как его срочно вызывали в деканат. Я уже хотел возмутиться и отказаться, но тут увидел среди них «свою» недавнюю красавицу и немедленно согласился.

Тут, как назло, машины скорой помощи одна за другой привезли сразу несколько детей с различными травмами. Во время работы в приемном покое к нам часто привозили детей, и как это обычно бывает, дети ведут себя совершенно по-разному. Конечно же, чаще всего они напуганы болезнью или травмой, непривычно-страшной больничной обстановкой, непонятными и блестящими инструментами и т. д. Но бывают уникамы, с которыми невозможно бывает сладить никому. Как раз в тот день привезли вредного мальчишку лет 5—6, который вел себя безобразно, устраивал истерику, бил врача скорой помощи, плевался и непрерывно кричал. Как мы не уговаривали его и не старались, он никак не давал нам оказать ему первую помощь, постоянно убегал на улицу, а когда мама возвращала его обратно, он устраивал такое побоище и крики, что вконец замотал меня и всех окружающих.

В конце концов, мне это надоело и, дав указание медсестре оформлять больных, я схватил это чудовище в охапку, тихонько двинул ему, чтобы он не орал и, взглянув на притихших студенток-практиканток, сказал красавице:

– А Вы, доктор, пройдете со мной, поможете мне с малышом...

Девушка без возражений пошла за мной, и мы заперли на ключ операционную, чтобы этот вредный мальчишка не удрал от нас.

Мы познакомились, девушку звали Алёна. Под моим руководством, она приготовила инструменты, а я пытался привязать брыкающегося и вопящего мальчика к операционному столу. Любой операционный стол оборудован специальными ремнями для фиксации рук и ног, это обычные требования безопасности, однако этот мальчишка оказался таким изворотливым и сильным, что я никак не мог к нему подступиться. Он постоянно выскакивал из ремней, скинул на пол стерильную простыню, которой я его укрыв, дважды пытался укусить нас и все это время кричал так сильно, что просто звенело в ушах. От непрерывной борьбы, крика и потуг сопротивления он стал багрово-красный, волосы были мокрые и слипшиеся, он плевался и ругался, как последний сапожник, и все же я решил довести дело до конца. Я попросил Алёну крепко зафиксировать ему голову, но как только приготовился ввести ему новокаин, он, увидев шприц с иглой, вдруг выгнулся дугой, с грохотом опрокинул все инструменты на пол, выкатил глаза и издал такой нечеловеческий звук, практически на уровне умирающей касатки, что даже мне стало не по себе.

Я с беспокойством взглянул в глаза Алёны над маской и как в кино увидел, как в них погас свет...

В тот же момент, на пике невыносимого ультразвука, из-

даваемого маленьким чудовищем, Алёна с высоты своего замечательного роста рухнула на пол в глубоком обмороке. Сам по себе обморок не опасен, но бедная Алёна не просто упала, красиво как актрисы в кино, а именно грохнулась, как обычно падает строительный кран, с размаху ударившись затылком об каменный пол.

На миг я оцепенел: на полу лежала умирающая красавица, а на столе бесновался мерзкий мальчишка, я не знал, как мне поступить. Если бы я отпустил пацана, то он тоже бы рухнул со стола на пол, где валялись инструменты, а я бы получил второе тело на полу. Позвать кого-нибудь я не мог, так как дверь была закрыта изнутри, и, как понимаете, не мог отойти от стола.

Тем временем Алёна в любой момент могла погибнуть от асфиксии, и я принял непростое решение...

Влепив пацану пощечину, я на время выключил его и тут же пристегнул его намертво к операционному столу. Открыв дверь, я вызвал медсестру и отправил ее за реаниматологом, а сам бросился к Алёне. Она была без сознания, но жива, и я начал осторожно возвращать ее к жизни. Примчалась наша дежурная бригада, они профессионально провели всю необходимую терапию и с диагнозом «сотрясение мозга» мы немедленно отправили Алёну в нейрохиргию.

Я же вернулся к чудовищу, он обессилено лежал на столе, стянутый ремнями и напуганный происходящим, теперь он почти не пикал и смотрел на меня с испугом. Я быстро зашил

ему рану и отдал его матери, которая была в состоянии полного аффекта и транса, что, в принципе, было объяснимо...

Мне же было безумно жаль Алёну и, конечно же, упущенного шанса познакомиться с ней, но, видимо, ничего на этой земле не происходит просто так...

Кстати, для всех, переживающих за здоровье Алёны, скажу, что для неё все закончилось благополучно. Через год я встретил её на очередном учебном курсе в нашей клинике, но не стал продолжать знакомство и вновь испытывать судьбу, хотя выглядела она просто великолепно и просто притягивала к себе...

ДВА ИВАНА

Было обычное трудовое дежурство, коридор был забит пациентами со всего города. Нас было два врача на всё отделение – я и мой коллега, отвечающий за ЛОР службу. Наступил вечер, и как обычно ближе к ночи потянулись больные с травмами.

Я накладывал шину огромному русскому мужику по имени Иван с переломом нижней челюсти. Он был пьян, и поэтому я торопился закончить с ним поскорей, чтобы избавиться от этого жуткого запаха, исходящего от него. Шинирование даже у нормальных больных занимает достаточно много времени, а у пьянчужек в два раза больше. Я нервничал и злился, так как из-за этого пьяницы у меня скопилась огромная очередь нормальных пациентов, в том числе и детей.

Будучи совершенно пьяным, Иван постоянно просился то покурить, то в туалет, то попить и порядком надоел мне. Тем не менее, я установил ему достаточное количество фиксирующих лигатур¹⁰ и уже приготовился установить шину, как приехавший врач скорой помощи завел в смотровую комнату шуплого окровавленного парня, по виду казаха, и усадил его на кушетку.

Я быстро осмотрел раненого, все его лицо было в мелких порезах и крови, но без переломов, и поэтому попросил

¹⁰ Специальные проволоочки, крепящиеся к каждому зубу

медсестру подготовить его к первичной хирургической обработке и сделать укол противостолбнячной сыворотки. Парень был совершенно пьяный и безостановочно матерился во весь голос и звал своего брата. Медсестра выбежала в процедурный кабинет, а я тем временем взял его направление и с удивлением увидел, что его тоже зовут Иван!

«Еще один Иван», – зло подумал я, мало мне было одного алкаша, так теперь и тезку подвезли. В это время «азиатский» Иван смачно сплюнул кровью на пол и начал вытирать кровь с рук об стены смотровой комнаты. Я сделал ему замечание, но он, совершенно игнорируя меня, продолжал вытирать свои грязные руки о белоснежные стены.

Пришлось взять его за шкуру и подтолкнуть к умывальнику, чтобы он не загадил мне кабинет и хоть немного привел себя в порядок. Внезапно, быстро вывернувшись из-под моей руки, этот гадёныш с разворота ударил меня по лицу и, громко крича, накинудся с кулаками. От неожиданности я вначале повалился на стол, но вырвался и начал отбиваться от озверевшего пациента, а потом резким пинком оттолкнул его от себя.

Поднялся страшный шум, на крики маленького Ивана отворилась дверь, и из коридора с криком «Держись, Ваня!» на меня сзади набросился его брат. Он запрыгнул на меня и начал душить, сидя на мне верхом. Уже теряя сознание и начиная падать, я услышал голос мужика с переломом: «Может помочь, доктор?» Я еле прохрипел «Давай скорей!»,

и тут же руки на моей шее ослабли, и я услышал глухие, мощные удары кулаками и отчаянные крики боли.

Большой Иван бил его сильно и смачно, с хрустом и оттяжкой, я же пытался отдышаться, как вдруг увидел, что мой обидчик убегает в сторону коридора. Понятно, что в этот момент, я уже не был врачом, и в два прыжка настигнув второго Ваню в коридоре, я повалил его на пол и начал бить.

Как вы помните, коридор был полон больных, терпеливо ожидающих своей очереди. Представьте их изумление, когда окровавленный пациент с криками выбежал из кабинета врача, а врач в порванном халате, тоже весь в непонятно чьей крови, в одном тапке, нещадно начал избивать пациента на полу в городской больнице...

Прибежавший на шум второй врач с трудом оттащил меня от лежащего на полу Вани, и мы тут же бросились спасать его брата, практически уже не подававшего признаков жизни. Слава богу, все обошлось и через час все улеглось, мы обработали и зашили братьям все их раны и сдали обоих в милицию. Они оказались якутами, приехали в Алма-Ату с приисков отдыхать в отпуск. В ресторане напившись, они не поделили каких-то девиц с местными ребятами из аулов, ну а дальше вы уже знаете.

В хаосе потасовки, все больные разбежались, коридор был девственно пуст, сестры и нянечки наводили порядок после погрома. Я чувствовал себя отвратительно, болели руки и шея, настроение было хуже некуда, я решил выйти

на крыльцо подышать воздухом. На крыльце стоял мой спаситель Иван. Выглядел он более чем странно: руки были по локоть в крови, а изо рта неровным частоколом торчали многочисленные проволочки для фиксации шины.

В суматохе я и забыл про него, а он участливо посмотрел на меня и доверительно предложил мне покурить вместе. Я вообще никогда не курил, но тут мне страшно захотелось вдруг затянуться, и я с благодарностью взял предложенную им сигарету «Opal». Он достал еще одну для себя, дал мне прикурить и ловко закинул вторую сигарету себе в рот... Тут, несмотря на весь стресс и кошмар пережитого вечера, я громко и истерично захохотал...

Картина маслом: Иван стоял, растерянно хлопая глазами, и недоуменно пытался затянуться, так как видел перед собой тлеющую сигарету, но никак не мог понять, где она. Онемевшие губы не слушались его, так как были под анестезией, а сигарета, не достигнув рта, воткнулась в одну из проволочек и просто висела в воздухе. Конечно, это надо было видеть, но весь комизм ситуации был в том, что меня тут же отпустило, и я успокоился и расслабился.

Я помог ему с сигаретой, мы от души покурили, и затем я установил ему шину и госпитализировал. Уже выписываясь из больницы через две недели, он сердечно поблагодарил меня и подарил мне огромную рыбину, что было совсем недурно для того голодного времени.

А меня, с легкой руки заведующего приемного отделе-

ния Мухтара Имбергина, еще долго называли «истребителем якутов»!

ЦЕЛИНОГРАД

Ниже я расскажу вам о первых своих шагах в медицине в далеких 1987—1989 годах в районной больнице города Целинограда, ныне Астаны, и пару потешных рассказов о нашем незатейливом быте и жизни в общагах...

Светлой памяти моего первого заведующего, доктора Исламгалева Хасан Нурхановича и моего учителя и наставника, высококлассного врача от Бога, моего близкого друга Игоря Белоцерковского посвящается!

30 лет назад я окончил Алма-Атинский государственный медицинский институт. В стране набирала ход перестройка Горбачева, и нам, выпускникам вузов, предписали ехать «на село». Газета «Медик» вышла с пафосным заголовком «Отличники на село», где перечисляли наши фамилии и гордо сообщали о нашем «добровольном» желании поехать в регионы.

Конечно же, мне не хотелось уезжать из родного города, но работы в Алма-Ате не было, и я согласился поехать в Целиноград, где мне предложили пройти специализацию по моей любимой челюстно-лицевой хирургии. В итоге из большого списка «отличников на село» уехали только мы с Виктором Кимом, моим другом врачом-онкологом, все

остальные благополучно остались и рассосались по столичным клиникам.

Целиноград образца 1987 года был областным центром, но при этом был маленьким провинциальным городком с небольшими улицами и типовыми строениями. Мы переночевали в гостинце «Москва» и через два дня нас поселили в женском общежитии финансового техникума в районе железнодорожного вокзала. Причем нас принудили выписаться из Алма-Аты и прописаться в этом жутком здании, потому что в противном случае жильем просто не обеспечивали.

Так началась моя Целиноградская эпопея, продлившаяся 2 года.

Конечно, было очень тяжело после большой алма-атинской квартиры попасть в комнату размером в 12 кв. метров, где мы жили вчетвером. Кроме нас с Витей, с нами жил Костя Шульгин и наш новый друг Алибек Касенов, врач из Караганды. Советские врачи-интерны, кроме того, что жили в ужасных нечеловеческих условиях, должны были участвовать в многочисленных субботниках, дежурить в вытрезвителе и бегать кроссы на лыжах по льду Ишима. Нас заставляли ходить патрулем в ДНД в криминальных районах и обходить неблагополучные квартиры в поисках больных туберкулезом и дизентерией.

Я не буду описывать 40-градусные морозы и осеннюю грязь по колено, ужасные туалеты в общежитии и отсутствие горячей воды, как часто мы жили впроголодь, как искали вод-

ку по всему городу и всю ночь играли в преферанс при свете свечей. Как катастрофически не хватало 95 рублей зарплаты в месяц, и поэтому приходилось разгружать вагоны с арбузами на вокзале и сдавать кровь за деньги и отгулы, чтобы съездить домой.

Но мы были молоды и отчаянно честолюбивы, энергии и сил было достаточно, мы ничего не боялась, а самое главное – было огромное желание стать классными специалистами и хорошими врачами.

ВЫТРЕЗВИТЕЛЬ

Как-то в конце ноября нас с Виктором отправили на ночное дежурство в городской вытрезвитель. Получив направление, мы на карете скорой помощи приехали в ужасный район, типа нашего алма-атинского «турчатника». Район славился бараками, где проживали «химики», условно освобожденные уголовники на свободе. «Скорая» привезла нас в 20:00 и уехала обратно в город, мы вошли в жутковатое промозглое помещение с решетками на окнах, с плакатами о вреде пьянства и ужасным зловонным запахом. Дежурившие милиционеры особо не обрадовались нам, спать там было негде, еды тоже не было, и махнув на нас рукой, отправили в комнату медицинского осмотра.

В маленькой облезлой комнатухе было два стула и жуткий стол, стоял бак с замерзшей водой и шкаф с остатками лекарств и лейкопластырем. Мы с Витей уселись на нары в комнате для алкашей и с ужасом думали, чем занять себя до утра. Через час сидения в комнате, где температура была не выше 10 градусов тепла, мы замерзли и еле могли разговаривать. Вытрезвитель был пустой, охранники пили водку, и мы за отсутствием пьяных пациентов попросились домой. Караульные, увидев наше плачевное состояние, сжалились над нами, подписали отчетный бегунок и разрешили нам уехать. Вопрос был только, как уехать, стояла кро-

мешная тьма, не было ни одной машины, а общественный транспорт сюда не ездил. Идти пешком по криминальному району было равносильно самоубийству, к тому же было около 20 градусов мороза, а до города было достаточно далеко.

Тут на наше счастье привезли несчастного алкоголика, мы осмотрели его, померили давление и уложили спать на нары, где до этого сидели сами. Привёзшие его милиционеры согласились довезти нас до нашего общежития, однако в милицейском «воронке» кабина была двухместная, и нам с Витей, пришлось лезть в металлическую будку.

Не дай Бог, кому-то побывать в недрах этой адской машины. Внутри не было никаких сидений, и только узкие перекладыны вдоль борта, без спинок и элементарных поручней для держания. Людей возили хуже животных, и, судя по пятнам крови и рвотным массам, несчастные алкоголики проезжали в ней все круги ада. Вместо света там были два маленьких зарешеченных оконца с обеих сторон будки. Взявшись за прутья решеток, мы, два врача с высшим образованием, тряслись на ухабах, с трудом удерживаясь на скользком железном полу подобно Луису Корвалану или участникам минского подполья.

Надо сказать, что наше общежитие было ненамного лучше вытрезвителя: на входе 24 часа в сутки дежурили строгие бабки-вахтерши, которые проверяли пропуска, осматривали, что ты несешь, и строго контролировали посещения гостей и ограничение по времени. Старшее поколение навер-

няка помнит этих бабок, я называю их церберы, это вредная категория особых неподкупных людей с низкой культурой и огромным чувством превосходства над людьми. В эту категорию чаще всего попадали вахтерши, лифтерши и всякие коменданты – маленькие злые «начальники», готовые унижить и растоптать все живое вокруг.

Одна из вахтерш почему-то люто не переваривала меня, причем при этом страстно обожала Виктора, называя его уважительно по имени-отчеству. И вот, представьте себе, что именно в её дежурство, громко сигналив клаксоном, мы въехали во двор нашей общаги на милицейском «воронке» с угрожающей надписью «Специальная» на боку.

Ярко освещаемый прожектором, грузовик тормознул у входной двери, и тут же навстречу вышедшему из кабины милиционеру выскочила бдительная бабка-цербер. Подобострастно согнувшись в полупоклоне, эта старуха, наверняка доносившая на соседей в сталинские времена, внимательно ждала развязки.

Милиционер подошел к двери, отпер её специальной ручкой, с лязгом вытащил приставную лесенку и, отворив клетку, по уже сложившейся привычке, грозно прокричал:

– А ну, давай, выходи по очереди!

Когда я, щурясь от яркого света прожектора, появился перед бабкой-вахтером, у неё всё встало на свои места:

– Так я и знала, алкаш, тюрьма по тебе плачет, – разошлась эта старая ведьма, – зря вы его выпустили, заберите

обратно...

Поток брани и слюней, возможно, продолжался бы и дальше, как вдруг в выпрыгнувшем следом мужчине она с изумлением узнала Виктора.

– Виктор Борисович, как же так? Как Вы могли?

И тут с новой силой, набросилась на меня:

– Это все из-за него, это он виноват, плохо влияет на Виктор Борисовича...

Надо отдать должное милиционеру, он оказался парнем с юмором, увидев, как меня прессует невменяемая бабка, он строго осадил её со словами:

– Закрой рот, бабка, эти парни выполняли спецзадание, так что не смей орать, а то сейчас мы и тебя заберем!

Спешно ретировавшись, эта вахтерша, наконец отстала от меня и даже стала немного побаиваться, ну а Виктор Борисович в её глазах поднялся как минимум до уровня секретаря райкома партии!

ТРАКТОРИСТ

Зимой 1988 года в Целинограде свирепствовали жуткие морозы до минус 45С. Снега было так много, что многие одноэтажные дома были завалены по крышу. Каждый день в 06:00 утра диктор объявлял температуру и отменял школьные занятия. Что касается нас, то мы должны были работать, несмотря ни на что.

В тот день я дежурил в райбольнице и молил Бога, чтобы не было много больных, так как по телевизору должна была быть премьера фильма «Собачье сердце» по Булгакову, и очень хотелось его посмотреть. Когда мы всем отделением, включая больных и персонал, уселись смотреть кино, меня как обычно вызвали в приемный покой.

Привезли мужика-тракториста с отдаленного района, ростом под 2 метра, просто огромного телосложения и с невероятной бородой а-ля Карл Маркс и Фридрих Энгельс вместе взятые. Если учесть его тулуп, унты и ватные штаны, он был такой же, как великан Хагрид в фильме про Гарри Поттера. Но если Хагрид был большой и добрый, то наш тракторист был пьяный и грязный, да ещё в шоковом состоянии и с черно-багровым синяком-гематомой во все свое огромное лицо.

Павел, так звали бедолагу, с напарником работал на тракторе К-700, наверное, самом большом колесном тракторе

в СССР. В их задачу входило сгребать снег на края колхозных полей, для защиты от эрозии и накопления дополнительной влаги весной. Я не очень в этом разбираюсь, но как мне рассказали, обычно водитель сидит за рулем, а помощник стоит на специальной веялке сзади и подравнивает каким-то образом снежную массу в нужное русло. Могу ошибаться, но не это важно, факт в том, что из-за мороза парни крепко поддали, и когда напарник сдавал назад, от толчка Паша, не удержавшись, упал прямо под заднее колесо огромного трактора.

Из-за метели и шума двигателя водитель не увидел его падения и вдавил его голову в глубокий сугроб, проехав по ней задним колесом... Пашу спас мягкий и глубокий снег, колесо было огромным, поэтому он остался жив, но кости лица не выдержали и отделились от черепа вместе со всем лицом....

В медицине описывают три варианта перелома «лица», с частичным или полным отхождением костей лицевого скелета от основного черепа. Сверившись с учебником по челюстно-лицевой хирургии, я попытался понять, что и где сломано, чтобы выставить правильный диагноз. Когда я начал осматривать поврежденные ткани, то ужаснулся – все лицо ходило ходуном, зубы не смыкались, из носа и рта лилась кровь, и все было покрыто жуткой кровавой бородой. Ко всему прочему у него было сотрясение мозга, но основание черепа было не повреждено, и после рентген-обследования

ния я решил его прооперировать.

Сейчас много лет спустя я с ужасом думаю, на что способен молодой врач, только после окончания интернатуры. Будучи опытным врачом, ты сто раз задумаешься о прогнозе операции и своих шансах на успех, подстрахуешься с другими специалистами и соберешь консилиум. В районной больнице нас было двое – я и анестезиолог Макс, но зато была бесшабашная уверенность в своих силах и способностях.

Определившись с диагнозом, я поручил готовить операционную и помчался освежить свои познания в хирургическом атласе, который всегда брал на дежурство с собой. Найдя соответствующий раздел, я дал команду персоналу побрить больного и внимательно изучил все этапы операции по остеосинтезу верхней челюсти. Взяв книгу с собой, я заскочил в предоперационную комнату, где закаченный транквилизаторами на кушетке дремал Паша. Он был полностью побрит и отмыт от крови и грязи, и я не сразу узнал его без роскошной бороды и длинных волос.

Макс готовился к наркозу, когда я на всякий случай решил позвонить своему заведующему. Был поздний вечер, Хасан Нурханович уже собирался спать, когда я бодрым голосом доложил:

– Хасеке, поступил тяжелый больной с переломом по Ле Фор 3 и с сотрясением мозга, готовлю к трахеотомии и операции по Адамсу под наркозом.

На другой стороне трубки у заведующего чуть не случил-

ся шок:

– Ты, что, с ума сошел? Ты хоть представляешь, как это делается, ты хочешь меня в тюрьму загнать?! Даже не пытайся!..

Дальше пошли рекомендации вперемишку с ругательствами, и я понял, что операция Павлу не светит...

Выслушав все пожелания, я вернулся в операционную, наложил челюстную шину и начал как LEGO собирать лицо Паши в одну кучу. Косточка к косточке, я терпеливо собирал в единый пазл раздавленные и разъехавшиеся кости лица. Самое интересное, что мне это удалось, и, в конце концов, с помощью бинтов и шины, я восстановил ему прикус и вернул все кости на прежние места. В финале я туго зафиксировал получившуюся конструкцию «пращевидными» повязками и больного перевели в реанимацию.

Мы с Максом, заполнив историю болезни и написав назначения, поспешили вернуться к «профессору Преображенскому», но было уже поздно. Оживленно обсуждая фильм, все уже расходились, на экране лежала перевязанная собачка «Шариков» и шли заключительные титры – наш фильм, к сожалению, закончился. Мы переглянулись с Максом, в реанимации нас ждал свой «Шариков», и мы пошли выпить за успешную операцию...

Через три дня я увидел в коридоре тракториста Пашу, он был в ярости и искал того, кто лишил его роскошной бороды – гордости всей жизни... Сестры не выдали меня, а я

не стал напрашиваться на благодарность. Операцию ему так и не сделали, и он был выписан в вполне удовлетворительном состоянии, с нормальным человеческим лицом, но без бороды и лысый, как яичко...

НОС

(почти по Николаю Васильевичу Гоголю)

Как-то раз вечером в отделении я возился с одним больным, у которого открылось кровотечение после операции. Я никак не мог остановить кровь, и, как назло, в приёмный покой поступил экстренный больной, и меня срочно требовали вниз. Кое-как остановив кровотечение, я поменял халат и спустился в приемное отделение. На всю больницу стоял такой жуткий крик и плач, что я заранее содрогнулся в предвкушении жуткой картины.

В коридоре металась заплаканная женщина с целлофановым мешком в руках и горестно выла, воздев руки к небу.

Увидев меня, она подскочила ко мне и тут же набросилась на меня с упреками:

– Где вы ходите, спите небось сутками, а тут человек умирает! – кричала она, трясая перед моим лицом каким-то пакетом со снегом внутри...

Я остановил её гневную тираду и спросил, где собственно больной, и только потом увидел на кушетке мужчину с полностью забинтованной головой, причем несчастному забинтовали и глаза, и рот, и он с трудом дышал через окровавленные бинты.

Размотав их, я увидел совершенно пьяного мужичка без

носа и верхней губы, который растерянно озирался вокруг и испуганно моргал красными глазками. Как выяснилось, он пытался поцеловать свою лошадь, но был настолько пьян, что ошалевшая лошадь откусила ему пол лица.

Обернувшись к разъяренной жене, я иронично спросил:

– А нос-то где?

В ответ она, всхлипывая, протянула мне пакет. Я заглянул в него: в снегу лежал откусанный нос вместе с верхней губой, грязный и в замерзших лошадиных слюнях. Несмотря на трагизм ситуации, выглядело все очень потешно, и я с трудом сдержал смех. Пытаясь не смеяться, я бодро успокоил женщину:

– Что же Вы так убиваетесь, это же нос, а не..., и без него жить можно...

Тетка закатилась в дикой истерике, а я срочно дал команду готовить операционную. Самый спокойный в этой истории был сам потерпевший, он безучастно уснул на кушетке, обрадовавшись отсутствию бинтов на лице.

Пока сестры готовили операционную и мыли в физрастворе откусанный нос, я гадал, как лучше приспособить его обратно. Оснащение райбольницы было крайне скудное, не было даже нормального шовного материала для лица, и тем более ничего специального для лицевой косметики.

В конце концов, я взялся за работу: тщательно вычистив и удалив разорванные края ран, я освежил рану и начал по-слоyno пришивать нос на место. Для формирования ноздрей

были использованы две резиновые трубочки, смазанные вазелином, и, наложив на них нос, я шаг за шагом дошел до губы и также пришил её на место. Части фрагментов губы и кожи уже не хватало, поэтому пришлось уменьшить несчастному рот где-то на 1.5 см., но, тем не менее, я остался доволен, наложил тугую повязку и начал оформлять госпитализацию.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.